БАРЯНОВ

ОКТЯБРЬ И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ

ИМЭЛС — Библиотека
ГК545
Б241

ИСТПАРТ УРАЛОБКОМА ВКП (б)

ГК545
Б241

А. БАРАНОВ

Октябрь

И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ

СВЕРДЛОВСК ◆ 1928

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. БАРАНОВ

ОКТЯБРЬ И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ

ИЗДАНИЕ ИСТПАРТА УРАЛОБКОМА ВКП (б)

СВЕРДЛОВСК 1928

1-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2005

К.
1886

ГК545
Б241 р

Отпечатано в тип. „Гранит"
Уралполиграфа.
Уралобллит № 3575.
Тираж 3000 экз. Зак. № 6692.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
119039
119039

1. Перед Октябрем.

В первые же месяцы своего развития Февральская революция обнажила классовые противоречия между буржуазией, получившей власть, и трудящимися массами.

Рабочие, за которыми шли солдаты и крестьяне, совершая революцию, несли с собой требования мира, хлеба и земли, в то время, как получившая власть буржуазия, в лице своего правительства, стремилась сохранить неприкосновенность частной собственности и возможность дальнейшего использования в своих интересах пролетариата и крестьянства.

В. И. Ленин Временное правительство характеризовал так: «Правительство октябристов и кадетов, правительство Гучковых и Милюковых не может, даже если бы они искренно хотели этого, дать ни мира, ни хлеба, ни свободы. Мира—потому, что это правительство войны. Потому, что это правительство по рукам и ногам связано с англо-французским империалистическим капиталом. Хлеба—потому, что это правительство буржуазное. В лучшем случае оно даст народу, как дала Германия, гениально организованный голод. Но народ не будет терпеть голода. Народ узнает, вероятно скоро узнает, что

хлеб есть и может быть получен, но не иначе, как путем мер, не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения. Свободы—потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, боящееся народа».

Давая такую оценку Временному правительству и анализируя дальнейшее развитие революции, В. И. Ленин, а затем и апрельская конференция партии большевиков установили, что «в зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и контр-революцией вообще, в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного могучего влияния»[1]).

Вместе с этим, учитывая нарастание революционного настроения в провинции, конференция констатировала, что рост революции вширь и вглубь служит залогом подготовки, во всероссийском масштабе, сил для второго этапа революции, который должен передать всю государственную власть в руки советов. Этот анализ развития революции, данный боль-

[1]) «ВКП(б) в резолюциях ее с'ездов и конференций», издание третье, 1927 год, стр. 182.

шевистской партией, подтверждался всем последующим ходом революции.

Внутренние противоречия между запросами трудящихся масс и политикой Временного правительства развивались и с каждым днем принимали все более и более обостренную форму.

Вызванный империалистической войной экономический кризис превращался в разруху во всех областях хозяйственной жизни.

На почве этой возрастающей разрухи развертывалась и с каждым днем усиливалась упорная политическая борьба.

Меньшевики и эсеры, не верившие в революционные творческие силы рабочего класса, считали, что перерастание революции из буржуазной в пролетарскую гибельно отразится на тех «демократических свободах», которые они воспевали.

Поддерживая буржуазию в ее контр-революционных мероприятиях, они в то же самое время пытались удерживать пролетариат и крестьянство на тех же исходных позициях, которые были заняты в феврале.

Буржуазии, не желавшей терять своих классовых привилегий, не только было выгодно иметь дело с такими добродетельными опекунами, как меньшевики и эсеры, но и необходимо, поскольку массы были на стороне советов, а большинство в советах принадлежало этим партиям.

Однако, такое положение при сложившейся обстановке в России не могло продолжаться длительное время.

Нарастание среди трудящихся масс недовольства выливается в конце концов в стихийное движение 3—5[1]) июля в Петрограде.

Эсеры и меньшевики, поставленные этим движением перед необходимостью разрыва с буржуазией, ответили решительным переходом к открытой борьбе с питерскими рабочими и революционными войсками, и в силу такого положения государственная власть фактически оказалась в руках контр-революционной буржуазии, поддержанной военной кликой. Это дало ей возможность повести наступление на рабочий класс.

Снижение заработной платы рабочим, увеличение рабочего дня, ограничение в правах профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, стремление восстановить прежние порядки на фабриках и заводах наблюдаются после июльского поражения почти повсеместно.

Локауты и саботаж промышленников превращаются в легальные формы борьбы с рабочими. Закрытие фабрик и заводов носит характер политической борьбы.

На Урале, благодаря особому положению уральской промышленности, наступление горнозаводчиков на рабочий класс ведется особенно упорно.

---

[1]) Все даты до 1/14 февраля 1918 г. приведены по старому стилю, после этого по новому.

Это упорство об'ясняется тем, что уральские горнозаводчики, еще с давних пор, недобор в прибылях, который получался благодаря устарелому оборудованию заводов, предпочитали выжимать из рабочих путем усиленной их эксплоатации. При чем это им всегда удавалось, поскольку основные кадры уральских рабочих были привязаны к заводам домишками и ничтожными клочками земли и покосов.

Расставаться с прибылями уральские заводчики, разумеется, не собирались и после Февральской революции. Но путь к их получению теперь, когда война особенно разрушительно подействовала на техническое оборудование, лежал или через переоборудование заводов, или через усиленную эксплоатацию рабочих.

Ясно, что уральские промышленники выбрали последнее и, почувствовав для этого контр-революционную почву, повели наступление на рабочий класс. Это наступление, начиная со второй половины июля, в той или иной форме, охватывает значительное количество уральских заводов.

Теперь разговоры капиталистов с рабочими далеко не походили на те, что велись до июля.

Если раньше рабочие вырывали у капиталистов кой-какие уступки, то теперь, при требовании рабочих, заводчики сами переходили в наступление и грозили закрытием заводов.

Промышленники знали, что в условиях Урала где рабочие теснейшим образом связаны со своими заводами, угроза прекращения или сокращения производства влечет за собой для них огромные бедствия.

—И этим обстоятельством они пользовались.

Вот что ответило правление В.-Исетских заводов делегатам от рабочих, которые ездили в Петроград хлопотать о прибавках: «Уничтожьте 8-ми часовой рабочий день для рабочих, увеличьте 6-ти часовой день служащих и поднимите производство до норм 1915 г., тогда еще можно говорить о прибавках, а если этого не будет, то завод будет закрыт на неопределенное время»[1]).

Такой же, примерно, ответ привезли из Петрограда и делегаты Невьянского завода. На требование рабочих выдать обещанные прибавочные суммы за апрель, правление ответило, «что оно добавочные даст только тогда, если производительность завода в августе поднимется, если же этого не будет, рабочие не только не получат добавки, а и самый завод будет закрыт»[2]).

Правление Богословского горнозаводского общества[3]) пошло еще дальше и потребовало не только

---

[1]) «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», т. II, стр. 188.

[2]) «Уральская Правда», № 19, от 3 авг. 1917 г.

[3]) Богословское горнозаводское об-во об'единяло: Богословский, Надеждинский, Сылвинский заводы и, кроме них, прииски, рудники и каменно-угольные копи.

восстановления производительности труда до норм 1916 г., но и отменило ряд законнейших завоеваний рабочего класса. Оно об'явило все прибавки, сделанные рабочим после 31 мая, недействительными; потребовало, чтобы рабочие газо-электрического цеха, установившие 6 часовые смены, перешли снова к 8 часовым сменам и чтобы местные советы и профессиональные организации не вмешивались во внутренний распорядок завода.

Об этих же обстоятельствах свидетельствуют и другие факты. Требование администрации Миньярского завода о переходе служащих с 6-ти часового на 7-ми часовой рабочий день, попытки заправил Сергинско-Уфалейских и Северского заводов при помощи угрозы арестом и увольнением[1]) прекратить деятельность революционных заводских организаций и, наконец, почти повсеместный напор заводчиков на усиленную эксплоатацию рабочих,—являются лучшими показателями после-июльского наступления уральских горнопромышленников.

Вслед за частными горнозаводчиками с подобными же угрозами выступает и Горный департамент, об'единяющий все казенные заводы Урала.

В своем циркулярном письме от 23-го августа на имя горного надзора он предлагает раз'яснить

[1]) В составе Сергинско-Уфалейских заводов в то время числились: Нижне-Сергинский, Атигский, Михайловский, Верхне-Сергинский, Нижне-Уфалейский и Верхне-Уфалейский заводы.

рабочим, что дальнейшее продолжение политики вмешательства в управление предприятиями со стороны рабочих организаций может привести к закрытию заводов, что «гибельно отразится на интересах самих рабочих»[1]).

Надвигающейся опасности со стороны наступающей буржуазии и Временного правительства необходимо было противопоставить железную волю рабочего класса. Нужно было теснее сплотить ряды уральских рабочих как для отражения контр-революционного наступления горнопромышленников и Временного правительства, так и для дальнейшей борьбы с ними. Подготовкой к этой работе и занялась в средине июля вторая уральская областная конференция большевистской партии[2]). Конференция обсудила самые жгучие вопросы того времени и вынесла по ним твердые руководящие решения.

Оценивая роль Временного правительства, конференция отметила, что «диктатура Временного правительства, при отстранении советов от контроля над властью, влечет за собою передачу страны и революции в руки явных и тайных врагов трудящихся масс»[3]).

---

[1]) «Рабочий класс Урала в годы войны и революции» т. II, стр. 11.

[2]) Конференция работала 14—18 июля и об'единяла в то время 21000 слишком членов партии.

[3]) Все цитаты, относящиеся к конференции, взяты из резолюций конференции, напечатанных в газете «Уральская Правда», № 17—17 г.

Исходя из этого основного положения, конференция постановила считать очередными задачами на ближайший период следующее: «Борьбу за переход власти от диктатуры Временного правительства к диктатуре пролетариата и крестьянства в лице советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Сплочение всех революционных сил вокруг советов, борьбу за преобладание в них последовательных интернационалистических и революционных элементов, на основе признания свободы агитации меньшинства против большинства».

По рабочему и земельному вопросам конференция постановила считать необходимым отстаивать следующие положения: «Передача государству и уральскому областному самоуправлению всех недр и лесов Урала как концессионных, так и частновладельческих; переход к государству всех концессионных заводов и полное оборудование их, согласно требованиям усовершенствованной техники. Переход к государству частных заводов, если их владельцы не пожелают произвести их переоборудование, или окажутся неспособными переоборудовать их на новых началах, обеспечивающих рабочим нормальные условия труда».

В области организационной конференция наметила ряд мероприятий практического характера, рассчитанных, главным образом, на организацию

широких трудящихся масс вокруг партии для предстоящей борьбы.

Проделанная конференцией работа сплотила партийную массу на местах и усилила влияние большевистской партии среди рабочих.

Примерно с конца июля, уральские рабочие все более и более настойчиво протестуют против контрреволюционной политики Временного правительства.

На конференции, созванной специально по вопросам социального страхования рабочих, в конце июля, в Чусовском заводе, где присутствуют представители рабочих от Лысьвы, Чусовой, Н.-Тагила, Невьянска и Кизеловского горного округа, поднимается не стоящий в порядке дня вопрос об отношении к Временному правительству, и конференция, почти единодушно, выносит протест против его политики и, главным образом, против ареста вождей партии большевиков [1]).

Почти одновременно подобная же резолюция выносится на общем собрании рабочих и служащих В.-Исетского завода и на заседании Бисертского совета.

Двумя днями позже на заседании Лысьвенского совета подавляющим большинством голосов выносится следующая резолюция:

«1. Протестовать против разгона армейских комитетов и умаления гражданских прав солдат.

[1]) «Уральская Правда», № 21, за 1917 г.

2. Требовать немедленной демократизации армии и выборности должностных лиц.

3. Протестовать против позорной и гнусной клеветы, направленной против большевистских вождей.

4. Протестовать против закрытия правительством газет: «Правда», «Солдатская Правда» и др.

5. Настаивать на немедленном созыве всероссийского с'езда советов и требовать, чтобы совет взял всю полноту власти в свои руки» [1]).

Позже еще одним днем, 2-го августа, в Туринском заводе рабочие уже не выдерживают и устраивают многочисленную демонстрацию, направленную против Временного правительства [2]).

Подобные же резолюции выносились и на других заводах Урала.

Одновременно с нарастанием недовольства среди рабочего класса Урала, растут и крепнут и профессиональные организации на Урале.

Развитие их происходит, главным образом, на основе борьбы с горнопромышленниками за 8-ми часовой рабочий день и борьбы за тариф. При чем в процессе борьбы профессиональные организации охватывают все большее и большее количество рабочих, а большевистская партия в свою очередь охватывает все больше и больше руководство профсоюзами.

---

[1]) «Известия Лысьвенского Совета», № 9, 1917 г.

[2]) Архив Уралистпарта. Хроника событий по Пермской губ. в 1917 г.

Заседавшая в Екатеринбурге в первой половине августа первая уральская областная конференция профсоюзов проходит полностью под большевистским влиянием [1]).

После этой конференции даже такие профсоюзы, в которых еще продолжали господствовать меньшевистско-эсеровские настроения, вынуждены были изменить курс в соответствии с задачами профдвижения, которые были намечены конференцией.

Массовое нарастание революционного настроения у рабочих Урала сильно сказывается на большевизации советов.

Ко второй половине августа уже большинство советов Урала становится большевистскими.

Лучшим и неоспоримым показателем большевизации советов на Урале является второй уральский областной с'езд советов, состоявшийся 17—21 августа в Екатеринбурге.

Этот с'езд имел для Урала крупное историческое значение. На нем большевики, имея значительный перевес над меньшевиками и эсерами, провели решения крупнейшего политического порядка.

Резолюции с'езда о текущем политическом моменте, о войне и борьбе за мир, об уральской разрухе и борьбе с ней, о смертной казни, введенной

[1]) Партийный состав конференции был приблизительно следующий: 37 соц.-дем. большевиков и интернационалистов, 26 эсеров, 4 меньшевика и более 20 беспартийных.

Керенским, и о трудовой повинности, с одной стороны отражали накопившуюся классовую ненависть трудящихся к Временному правительству, а с другой — намечали практические мероприятия для борьбы с ним.

По вопросу о текущем политическом моменте с'езд прямо, без всяких обиняков, заявил, что «задача настоящего момента заключается в решительной борьбе с контр-революционной диктатурой и в завоевании государственной власти рабочими и беднейшими крестьянами[1]).

Во всех других резолюциях с'езд также выразил четкую классовую позицию трудящихся.

Он заявил, что кончить войну, прекратить разруху, отменить смертную казнь и провести действительную трудовую повинность сможет только советская власть, во главе с рабоче-крестьянским правительством.

Кроме этих резолюций, с'езд призвал рабочих, солдат и крестьян Урала к непосредственному революционному действию.

Обсудив вопрос о нарастании сил контр-революции и о наступлении промышленников на рабочий класс, с'езд постановил об'явить 1-го сентября однодневную общеуральскую политическую забастовку.

Проведение этой забастовки было поручено из-

[1]) Уралистпарт. «Резолюции 2-го уральского областного с'езда советов».

бранному на с'езде уральскому областному исполнительному Комитету [1]).

Имея в своем составе большинство большевиков, уральский областной исполнительный комитет сразу же становится боевым органом трудящихся масс Урала.

Развернутая им кампания за проведение забастовки находит отклик среди широких слоев уральского пролетариата. Только по предварительным итогам, разумеется неполным, в забастовке приняли участие следующие заводы и предприятия: Каслинский завод, Кыштымский, Карабашский, В.-Уфалейский, Н.-Уфалейский, В.-Сергинский, Н.-Сергинский, Михайловский, Атигский, Полевской, Северский, Сысертский, Н.-Исетский, Ревдинский, Бисертский, Таватуйский, В.-Туринский, Н.-Туринский, Алапаевский, В.-Синячихинский, Нейво-Шайтанский, Кушвинский, Лысьвенский, Усть-Катавский и Аша-Балашовский.

Кроме этих заводов бастовали все торгово-промышленные предприятия и правительственные учреждения города Екатеринбурга и Кунгура. По приблизительному подсчету, 1-го сентября бастовало 110.000 человек [2]).

---

[1]) В состав обл. испол. комитета входили от большевиков: Сосновский, Голощекин, Сафаров, Воробьев, Андроников, Крестинский, Тунтул, и от эсеров: Колосов, Васильев, Гликзон.

[2]) „Уральский Рабочий", № 2, от 10 сентября 1917 г.

Значительная часть заводов, разделяя полностью платформу уральского областного с'езда советов, однако, получив из Петрограда раздутое сообщение о выступлении Корнилова, решила отложить забастовку до более благоприятного политического момента. Некоторые заводы воздержались от выступления по чисто техническим причинам. Часть заводов воздержалась под влиянием агитации меньшевиков и эсеров.

119039

Однако, несмотря на эти задерживающие причины, первосентябрьская забастовка все же удалась и сыграла несомненно крупную политическую роль.

Это массовое нарастание революционной энергии рабочего класса, взбудораженное дополнительно контр-революционным выступлением Корнилова, выливается в конце концов в усиление со стороны рабочих контроля над производством, в частичные захваты рабочими фабрик и заводов и в организацию отрядов Красной гвардии.

Начиная со второй половины августа, рабочие Урала к моменту Октябрьского переворота самочинно захватили полотняную фабрику Жирякова[1]), платиновые прииски Демидова[2]), Сосвинский завод, и Пашийские каменноугольные копи[3]) и, наконец, пу-

[1]) «Урал. Раб.», № 17, от 31 окт. 1917 г.
[2]) Уралистпарт. Дело Перм. губерн. комиссара.
[3]) Там же.

Библиотека

стили в действие бездействовавший с 1914 г. Нязе-Петровский завод [1]).

Такие же решительные действия наблюдаются со стороны рабочих и в области введения контроля над производством.

В это же время, в связи с выступлением Корнилова, по городам и заводам Урала настойчиво проводится рабочими организация Красной гвардии.

Об этом свидетельствует целый ряд резолюций, которые выносились в то время на фабриках и заводах Урала.

5 сентября на общем собрании рабочих завода Злоказова в Екатеринбурге постановлено: «Требовать через своих представителей от екатеринбургского совета немедленного вооружения рабочих, по примеру рабочих Петрограда». При чем на этом же собрании в ряды Красной гвардии записалось 80 человек рабочих.

Через два дня такое же постановление выносит общее собрание членов екатеринбургского союза деревообделочников и ряд других заводов и предприятий Урала; там, где ячейки Красной гвардии уже имелись, они пополнялись новыми кадрами рабочих.

«В Верхне-Уфалейском заводе,— пишет т. Степанов,— корниловское выступление вызвало усиление организации Красной гвардии. На заседании коми-

[1]) «Урал. Раб.», № 20, от 20 окт. 1917 г.

тета партии был поставлен снова вопрос о привлечении к работе по организации Красной гвардии, совета рабочих депутатов и профсоюзов... К октябрю отряд уже насчитывал около 100 человек: у него уже был постоянный начальник отряда, взводные и отделенные командиры»[1]).

В Челябинске, по сообщению организатора Красной гвардии т. Евтеева, в начале вся Красная гвардия представляла группу в 50—60 человек, вооруженных разнокалиберными винтовками.

К октябрю эта группа выросла до 500 чел. и, по уверению т. Евтеева, представляла собой «довольно реальную силу»[2]).

Особенно успешно шла организация рабочих в боевые дружины на Южном Урале. Это об'ясняется тем, что рабочим южно-уральских заводов, окруженным значительно большей прослойкой кулаков и контр-революционно настроенных башкир-вотчинников, приходилось все время быть готовыми к отражению натисков с их стороны.

В общем же рабочие крупных городов и заводов Урала к октябрю месяцу имели уже значительное количество организованных отрядов Красной гвардии. Правда, эти отряды были численно не велики, но они были достаточны, чтобы первое время вести борьбу против контр-революции.

---

[1]) Уралистпарт. Воспоминания т. Степанова.

[2]) Уралистпарт. Воспоминания т. Евтеева.

Вместе с нарастанием революционного настроения у рабочего класса, пропитывалось недоверием к Временному правительству и беднейшее крестьянство Урала.

Правда, свое недовольство деревня выявляла стихийными выступлениями, но эта стихийность отнюдь не была лишена революционной логики.

Преступная оттяжка со стороны Временного правительства передачи земель и лесов в руки крестьянства вызывала крестьян на самочинные действия.

Их попытки обращаться по различного рода земельным вопросам в органы Временного правительства—губернские земельные комиссии—никаких практических результатов, кроме увещаний проникнуться гражданским долгом и ждать Учредительного Собрания, конечно, не давали.

Такое неопределенное положение крестьянства, при наличии свободного распоряжения своими землями и лесами со стороны заводчиков и помещиков, подталкивало его сначала на ограничение их прав в области эксплоатации земли и леса, а потом и на стихийные захваты помещичьих усадеб и заводских владений.

В этом отношении мы приводим весьма показательную сводку крестьянского движения на Урале, отмеченного заводовладельцами по июль месяц.

«В Катав-Ивановском округе волостные комитеты приостановили рубку леса и действие углевыжигательных печей...

«В Кыштымском округе Сак-Эльгинское общество постановило запретить заводоуправлению рубку леса радиусом на 7 верст кругом селения. В Нязе-Петровском заводе общество заявило об отказе от издавна существующего порядка пользования лесом и землей по билетам с разрешения заводоуправления и решило пользоваться всем бесплатно и без билетов. В Полазнинском горном округе крестьяне Стряпунинской волости возбудили ходатайство о разрешении запашки всех свободных частновладельческих земель. Комитет крестьянского союза Лысьвенской и Осинской волостей постановил известить управление Лысьвенского округа, что управление завода должно доводить до сведения крестьянского союза о всех проектах сплошных вырубок, чтобы избежать недоразумений между населением и владельцами. В Катав-Ивановском округе крестьяне произвели массовую порубку леса, и лесная стража была совершенно бессильна воспрепятствовать самовольным порубкам...» [1])

Но это было только началом крестьянского движения и оно, за редкими исключениями, скорее носило характер контроля против хищнической эксплоатации лесов заводоуправлениями и помещиками. На-

[1]) «Известия Бюро совещания горнопромышленников Урала», № 1, от 8 июля 1917 г.

чиная с первых чисел августа, крестьянское движение усиливается и к октябрю выливается в острые формы.

Из донесения осинского уездного комиссара Временного правительства видно, что начиная с 14 августа местными крестьянами самочинно производятся порубки леса в имении барона Таубе [1]).

В телеграмме на имя губернского комиссара Пермской губернии сообщается, что «в Петропавловской волости большие порубки леса. Население оказывает сопротивление, не допуская стражу и милицию к отобранию похищенного леса» [2]).

Это массовое крестьянское движение по Пермской губернии вынуждает пермского губернского комиссара Турчевича выпустить к жителям губернии обращение, в котором указывается, что «неповинующиеся (крестьяне) требованиям Временного правительства будут преследоваться всеми доступными способами, которые предоставлены законом и полномочиями» [3]).

И действительно, начиная с 17 августа по Пермской губернии рассылаются воинские команды, которые борются с самовольными захватами лесов и помещичьих земель крестьянами и помимо этого от-

---

[1]) Уралистпарт. Архив пермского губ. комиссара Времен. правительства.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

бирают насильно хлеб по распоряжению Временного правительства.

Под влиянием этого стихийного крестьянского движения, 14 октября в Перми, по распоряжению министра внутренних дел Никитина, организуется особый комитет по борьбе с анархией, в распоряжение которого военный министр Верховский приказывает командующему Казанским военным округом предоставлять конные части требуемого состава [1]).

Эти решительные действия рабочих против горнопромышленников и беднейшей части крестьянства против помещиков и агентов Временного правительства показывают, что слияние революционных волн рабочего и крестьянского движения произошло и на Урале.

Состоявшийся 13—15 октября 2-й екатеринбургский окружной с'езд советов, трезво учитывая положение на Урале, ставил своей прямой задачей мобилизовать революционный Урал для захвата власти в свои руки.

На этот с'езд прибыло 107 делегатов от 56 советов, об'единяющих до 274.000 рабочих и солдат. Причем из 108 делегатов к фракции большевиков примкнуло 79 человек, к фракции с.-р.—21 чел., а меньшевиков на с'езде оказалось всего три чел.

[1]) В то время Пермская губ. в военном отношении входила в состав Казанского военного округа.

В резолюции по текущему моменту с'езд категорически заявил, что момент решительной схватки с буржуазией наступил, что из этой схватки должно выйти сильное революционное правительство, проводящее лозунги партии большевиков.

Такое настроение перед Октябрьским переворотом было не только у советов Екатеринбургского округа, но и у большинства советов Урала.

Но наряду с этим, на Урале существовали и такие места, как Пермь, Курган, Златоуст, Белорецк, Тагил, где эсеры и меньшевики еще имели в советах перевес над большевиками.

Это обстоятельство и ряд других, как, например, наличие в некоторых районах реакционного казачества, послужили причиной того, что процесс перехода власти к советам затянулся в некоторых пунктах Урала до апреля 1918 года.

2. Октябрь на Урале.

Процесс захвата власти советами в главнейших городах Урала протекал следующим порядком. В Екатеринбурге, который уже в то время являлся областным центром, почва для взятия власти была подготовлена вполне.

В 20-х числа октября в Екатеринбурге закончились перевыборы екатеринбургского совета, давшие значительное большинство мест в совете большевистской партии.

25-го октября состоялось первое собрание переизбранного совета, на котором, путем закрытой баллотировки, по предложению большевистской фракции, председателем совета и исполнительного комитета был избран тов. Сосновский, получивший 234 избирательных записки при 64 неизбирательных и 15-ти воздержавшихся.

Кроме этого на собрании совета было постановлено послать приветствие второму всероссийскому с'езду советов, революционному Балтийскому флоту и армии.

Ввиду того, что сведений из Петрограда пока что получено не было, на этом заседание совета закрылось.

На следующий день вечером заседание совета было созвано вновь. На нем т. Сосновский познакомил собрание с телеграммами из Петрограда, в которых сообщалось о свержении Временного правительства и о переходе власти в руки Временного революционного комитета. В своей вступительной речи тов. Сосновский указал на колоссальность задач, которые встают перед трудящимися массами в связи со взятием власти в руки советов.

После этого были заслушаны декларативные выступления представителей трех партийно-советских фракций и представителей областного и уездного советов крестьянских депутатов и был избран исполнительный комитет по принципу пропорционального представительства фракций [1]).

27-го октября на первом же заседании только что избранного исполнительного комитета было постановлено об'явить исполнительный комитет единственной властью в городе. Тут же была избрана особая комиссия, которой была поручена охрана города.

Городской комиссар Временного правительства Толстоухов был отстранен от должности.

---

[1]) Голосование фракционных списков показывает следующие результаты: большевики получили 219 голосов, с.-р.—91 и беспартийные—29.

Кроме того на этом же собрании было вынесено постановление о закрытии кадетской газеты «Зауральский Край» и об издании ежедневной газеты «Борьба», органа екатеринбургского совета.

Коллегии пропагандистов было дано задание организовать в казармах митинги на предмет раз'яснения солдатам происходящих событий; тут же было принято составленное Н. Н. Крестинским официальное сообщение исполнительного комитета о событиях в Петрограде и о переходе власти к екатеринбургскому совету.

К полудню слухи о питерских событиях уже облетели город. Рабочие бросали станки и целыми толпами шли в партийный комитет и в совет узнать положение, правда-ли?

В тот же день, когда екатеринбургский исполнительный комитет об'явил себя властью в городе, состоялось заседание уральского областного комитета, на котором было постановлено, для руководства строительством новой власти на Урале, выделить революционную тройку.

Кроме этого было утверждено обращение от областного исполнительного комитета ко всем советам Урала.

В этом обращении, помимо общей информации о мероприятиях только что образовавшегося советского правительства, исполнительный комитет предписывал: «1) Всем местным советам взять власть

в свои руки на местах. 2) Нежелательных представителей старой власти сменить, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавить оружием. О совершающихся событиях телеграфно или другими способами сообщить совету [1])».

Под влиянием тревожного настроения в Екатеринбурге, которое создалось благодаря неполучению телеграмм из центра, эсеры струсили и ушли из совета.

Власть в городе осталась в руках одних большевиков.

Однако, 30 октября эсеры раскололись на левых и правых, при чем левые считали, что восстание в Петрограде «не большевистская авантюра», а «стихийный акт революционного чувства», и вынесли резолюцию о создании «однородной» власти из представителей «социалистических партий и революционно-демократических организаций» [2]).

С этой резолюцией представители левой части эсеров явились в екатеринбургский исполнительный комитет и предложили организовать «революционный комитет».

Большевистская фракция исполнительного комитета, учитывая тревожное положение в городе и воз-

---

[1]) Уралистпарт. Протоколы уральского областного исполнительного комитета 2-го созыва.

[2]) «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», т. III, стр. 5.

можность контр-революционного выступления со стороны обывательской части городского населения, согласилась на организацию «революционного комитета»[1].

Однако, этот «комитет» оказался не долговременным.

Уже 22 ноября, под давлением масс, демонстрировавших в пользу совета, революционный комитет объявил о своем роспуске, и в Екатеринбурге полновластным хозяином стал екатеринбургский совет.

Несколько по иному протекал переход власти к советам в городах, где прочно укрепились эсеры и меньшевики.

В Перми существовал, так называемый, пресловутый «Уралсовет», который по существу был не чем иным, как исполнительным комитетом Пермского округа, и только потому, что там в подавляющем большинстве сидели меньшевики и эсеры, которые считали Пермь своим областным центром, он продолжал носить это нелепое название.

Благодаря засилью меньшевиков и эсеров, в Перми большевистской партии не удалось провести до ок-

[1]) В состав революц. комитета вошли: от екатеринбургского совета — Браницкий (бесп., но примыкающий к большевикам), от РСДРП(б) — Крестинский и Вайнер, от С.-Р.— Павловский и Успенский, от бюро профсоюзов — Войков (больш.), Гащинский (эсер), от совета фабзавкомов — большевики: Сафаров, Малышев, Тунтул и эсеры: Стрижев и Зайд и кроме них 2 представителя от железнодорожников и по одному представителю от меньшевиков и бундовцев.

тября окружного с'езда советов, почему «Уралсовет» и продолжал существовать в дни Октябрьского переворота.

Этот совет ни в какой мере не отражал настроений трудящихся масс и продолжал существовать лишь по инерции.

Лучше всего это подтверждает собрание 1-го ноября только что переизбранного пермского городского совета. На этом собрании, большинством 44 голосов против 22-х меньшевистско-эсеровских, была принята следующая резолюция: «1) Взять на месте власть в свои руки, 2) признать, что захват власти советами явился настоятельной необходимостью в развитии русской революции, 3) изданные новым правительством декреты о земле и мире совет считает актами, издания которых с возрастающим нетерпением ожидала вся крестьянская, рабочая и солдатская Россия»[1]).

Но еще раньше, чем пермский городской совет собрался на свое первое заседание, меньшевиками и эсерами пермского «Уралсовета» был организован «революционный комитет», в состав которого входили три большевика.

Однако, сами обстоятельства в скором же времени заставили большевистскую партию повести борьбу с «революционным комитетом».

---

[1]) Уралистпарт. Хроника событий по Пермской губернии в 1917 году.

В тот день, когда состоялось первое заседание пермского городского совета, в связи с опубликованием меньшевистско-эсеровским революционным комитетом обращения к населению с протестом против изданного Советом Народных Комиссаров декрета о печати, члены этого комитета, большевики: Белобородов, Толмачев и Обросов — ушли из него, об'явив его контр-революционным.

Однако, это меньшевистско-эсеровское детище оставалось существовать.

К декабрю месяцу, пермские меньшевики и эсеры потеряли окончательно опору в массах, но не сдавались. Для борьбы с революцией они с'организовали с представительством всех антисоветских организаций «совет по управлению губернией», который, не совершив ничего серьезного, в декабре был советской властью разогнан [1]).

В Кургане, после получения известия об Октябрьской революции, в городском совете продолжали еще господствовать эсеры. Они всячески старались замять слухи о перевороте, пока под напором большевиков не был созван уездный с'езд советов.

Собравшийся 17 ноября уездный с'езд советов подавляющим большинством вынес резолюцию о переходе власти к советам [2]).

---

[1]) **Уралистпарт.** Архив пермского губернского комиссара Вр. правительства.

[2]) **Уралистпарт.** Воспоминания А. Гусева (Я. Веревкина).

Взятие власти советами на заводах Южного Урала проходило не равномерно.

В таких, например, заводах, как Сим, Аша, Миньяр, Усть-Катав, Юрюзань, где большевики успели до октября проделать подготовительную работу, ослабить эсеровское влияние — власть сразу же после Октябрьского переворота захватывается советами.

Зато в Сатке, Кусе, Катаве, Златоусте и в Белорецком заводе, где эсеровское влияние было особенно сильным, процесс большевизации советов и захват ими власти тянулся до марта 1918 года.

Особенно долго держались у власти эсеры в Златоусте, Белорецком заводе и Кусе.

В Белорецком заводе и Кусе эсеры просто потеряли доверие и поддержку рабочих, и естественно изчезли «яко дым от земли», а в Златоусте, окопавшись в совете, они повели контр-революционную работу против рабоче-крестьянского правительства, за что были арестованы и посажены в тюрьму [1]).

Совершенно иные причины тормозили переход власти к советам в таких полукупеческих, полумещанских городах, как, например, в Верхотурье и Тюмени.

В Верхотурье, после Октябрской революции, власть упорно удерживали чиновники, буржуазия и интелигентики.

---

[1]) Сведения о советах Южного Урала взяты из материалов златоустовского Истпарта.

Эта кучка уездных правителей, не только не пожелала признать советскую власть, но даже попыталась арестовать назначенного ею Верхотурского уездного комиссара.

Для того, что-бы разогнать эту кучку тов. Дидковскому, который с это время работал в Верхотурье, пришлось вызывать отряды красногвардейцев из В.-Туры, Кушвы и Ляли.

Засевшим в Верхотурье большевикам пришлось бы плохо, если-бы красногвардейские отряды не прибыли во время. Только с прибытием красногвардейских отрядов из окрестных заводов в Верхотурье была окончательно установлена советская власть.

В Тюмени эсеровско-меньшевистский совет после Октябрьской революции учредил, подчиняясь приказу из центра, военно-революционный комитет из своей же меньшевистско-эсеровской братии и жил до декабря спокойно, пока прибывшие в Тюмень большевики не сплотили вокруг себя трудящееся население и не переизбрали ВРК.

Особенно болезненный процесс при переходе власти к советам наблюдался в городах: Челябинске, Троицке и Оренбурге.

По существу советы этих городов находились, как и большинство советов Урала, под большевистским влиянием, но их трагедия заключалась в том, что они не могли еще противопоставить активной

кучке офицеров и кулаков свою вооруженную силу, достаточную для их усмирения.

Советская власть в Челябинске исполнительным комитетом челябинского совета фактически была установлена 27 ноября.

К этому времени в руках исполнительного комитета оказались: телеграф, телефонная станция, банк, и по всем учреждениям были разосланы комиссары, которые зорко следили за проявлением со стороны кого бы то ни было контр-революционных попыток. На другой день в Челябинске состоялся ряд солдатских и рабочих митингов, где известие о переходе власти к советам встречалось восторженно.

Но существовать долго, однако, совету не пришлось.

По соседству с Челябинском, в Троицке, с получением известия об Октябрьской революции, власть захватили контр-революционные казаки, которые, укрепившись в Троицке, повели наступление на Челябинск.

Подойдя к Челябинску, они пред'явили совету ультиматум о немедленном сложении с себя власти и о передаче ее снова Временному правительству.

С получением ультиматума челябинский совет начал вооружать солдат и рабочих и готовиться к обороне. И только убедившись, что вступать в бой с неравными силами невыгодно, челябинский испол-

ком решил, при посредстве городской думы, вступить в переговоры с казаками.

Казаки, в свою очередь, узнав о готовности челябинских солдат и рабочих к борьбе, пошли на уступки.

Они приняли требование исполкома ни в коем случае не вступать в город и немедленно оставили окрестности Челябинска.

Совет в Челябинске хотя и остался существовать, но власть в городе фактически находилась в руках городской думы.

Окончательно советская власть в Челябинске и Троицке была установлена только с прибытием туда 17-го Сибирского стрелкового полка и отряда матросов Павлова: в Челябинске—в ноябре, в Троицке—в декабре.

Подробно на борьбе с казачеством в Челябинске, в Троицке и под Оренбургом мы остановимся в последующих главах.

Развитие Октябрьской революции в уральской деревне надо рассматривать не только в зависимости от социального состава населения, но и от того, насколько то или иное село, или деревня были далеко расположены от заводов и от наличия в них революционных элементов.

Сельских советов в то время в деревне еще не существовало, и власть там осуществлялась воло-

стными земствами, в которых заседал разный сброд кулацкого пошиба, возглавляемый, главным образом, эсерами.

Этим земствам в большинстве случаев бедняки крестьяне не доверяли, считая, что они за одно с Временным правительством, которое не даст им ни земли, ни леса.

Однако, крестьянство само по себе не было в достаточной степени организовано, чтобы повести планомерную борьбу за захват власти в руки крестьянских советов.

И поэтому немудрено, что Октябрьская революция сразу же находит твердую поддержку среди крестьян безземельных и малоземельных, но в первую очередь там, где рабочие близлежащих заводов, или успевшие вернуться солдаты-фронтовики развертывают работу и сплачивают для борьбы бедняцкие массы деревни.

Тов. Бузилов в своих воспоминаниях «Село Балаки за время революции 1917 г.»[1]) о настроении в деревне перед революцией и о переходе власти в руки советов сообщает следующее:

«... На одном из сходов, в воскресный день, мужики никак не могли спеться между собою. Сход разбился на несколько групп, и каждая группа толковала о создании какой-то власти в Балаках. За

[1]) Село Балаки в то время входило в Камбарскую волость Сарапульского уезда.

угол дома Кашмина Г. отдалилось несколько человек. Во главе их стоял Балакин Н. Ф. и робко сбивал организовать какой-то комитет. Мужички не могли уяснить значение этого комитета и не оказывали реальной поддержки Балакину. Один из мужиков подошел к этой группе, выслушал ее и убежал обратно к середине схода, криком внося дезорганизацию во всех группах.

— Там вон собрались и толкуют об организации какого то комитета бедноты. Их надо позвать сюда и говорить всем вместе...

Но, однако, Октябрьский переворот докатился и до нашей глухой деревушки, и здесь руки у мужиков-большевиков развязались. Балакин вскоре после 25 октября с'ездил в Камбарку. Ему поручили вести работу в Балаках, и по его инициативе, без всяких директив и законов, правил и инструкций, организуется революционный совет, как первый деятельный штаб революции»[1]).

В данном случае в селе Балаках нашелся в достаточной степени энергичный и опытный застрельщик, который сорганизовал бедноту и при ее помощи повел работу по организации советской власти.

В других местах эта роль выпадала главным образом на солдат-фронтовиков.

---

[1]) Уралистпарт. Воспоминания Бузилова.

«По прибытии домой в последних числах декабря 1917 г., — рассказывает фронтовик тов. Попков,— многие фронтовики сразу же на местах устроили собрания и выборы советов. У нас в деревне Ветродуйке, Шадринского уезда, 29-го декабря было первое собрание, а 2-го января 1918 г. совет берет уже власть на месте и отбирает у арендаторов мукомольные мельницы»[1]).

Об Октябре в деревнях курганского уезда любопытные сведения сообщает в своих воспоминаниях Р. Лебедев.

«... Октябрьский переворот в курганской деревне совершила солдатская масса. Произошел он только в декабре 1917 г. и не легко.

До этого времени деревня ничего не знала.

У власти стояло земство, правые эсеры всеми мерами скрывали от крестьян события, происходившие в центре и других местах.

Лишь в декабре месяце, когда в деревню стали возвращаться солдаты фронтовики, в том числе некоторые непосредственные участники Октябрьского переворота в Москве и Петрограде, участь земских эсеров, работавших под флагом Учредительного Собрания, была решена.

Солдаты, видя у власти приспешников Керенского и буржуазии, были недовольны. Недовольство перешло в возбуждение. В каждом селе и в каждой

[1]) Уралистпарт. Воспоминания Попкова.

деревне организовались как бы солдатские ячейки. Они раз'ясняли крестьянам смысл совершавшихся событий.

Эсеры силой зажимали рот, преследовали, но безуспешно. Идея соввласти пустила корни, укрепилась в крестьянстве.

Где нельзя было устроить открытых собраний, там они переносились тайно в заброшенные дома и даже бани.

Работа солдат сделала свое дело в деревне. На 1-й уездный с'езд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов деревня избрала исключительно солдат большевиков...»[1]).

В общем же процесс советизации уральской деревни протекал неравномерно и тянулся в некоторых местах до мая 1918 г.

В этом отношении весьма показательны данные об организации первых волостных советов по Кунгурскому уезду. Из них видно, что первый волостной совет там был организован в январе 1918 г., а остальные в последующем порядке:

в январе	5
в феврале	6
в марте	13
в апреле	6[2])

[1]) Уралистпарт. Материалы по Курганскому уезду А. Гусева (Я. Веревкина).

[2]) Архив Уралистпарта. Доклад пермского губернского отдела управления за 1918 г.

В Чердынском уезде волостные советы начали организовываться только с февраля месяца, причем в них входили в первое время в большом количестве кулацкие элементы.

То же самое наблюдалось в Оханском и Усольском уездах. Но как бы там ни было, советская власть на Урале к маю 1918 г., общими усилиями рабочих и крестьян, была установлена повсеместно, хотя и не без борьбы с антисоветскими элементами.

3. Хозяйственная разруха и первые шаги советской власти.

Развертывание работы только что возникшей советской власти на Урале пришлось проводить в атмосфере хозяйственной разрухи и гражданской войны. Острая недостача продовольствия и фуража в городах и на заводах Урала начала сказываться еще в первой половине сентября.

К Октябрьскому перевороту продовольственный кризис уже принял грозные формы.

Ряд явлений, которые наблюдались по Уралу в течение сентября и октября, это полностью подтверждают.

За это время в Воткинском заводе выдача муки сократилась до 20 фунтов на человека в месяц. В Гороблагодатском округе из-за отсутствия овса становились конные работы.

В Богословском округе 15 тысяч военнопленных, благодаря голодовке, не в состоянии были выходить на работы. В Екатеринбурге, на почве сокращения выдачи муки с 30 до 10 фунтов на человека, разразились продовольственные беспорядки. Ожидаемый

хлеб из Сибири, вследствие, главным образом, обмеления рек застрял в пути.

Только по одной Пермской губернии, по приблизительным подсчетам, недостача хлеба выражалась в 9 миллионов пудов.

Наряду с продовольственным кризисом уральские заводы переживали финансовый и топливный кризис.

Финансовый кризис умышленно обостряли уральские горнозаводчики. Они вместе со всей русской буржуазией надеялись, что хозяйственно-промышленный крах страны облегчит им возможность удержать ускользающую из их рук власть. Они еще до Октябрьского переворота, в качестве противодействия против введения рабочими контроля над производством, начали проводить политику отказа от финансирования предприятий, в которых был установлен рабочий контроль. Эту политику они широко применяли после Октябрьского переворота, когда рабочий контроль начал осуществляться почти повсеместно.

Благодаря этой контр-революционной политики, задолженность по заводам Урала, к моменту их национализации, выражалась примерно в 40 миллионов рублей. На многих заводах рабочим было не выплачено жалованье за три и за четыре месяца. Недостаток в деньгах в рабочих районах ощущался всюду.

Одновременно с недостатком продовольствия и денег уральские заводы страдали также от недостатка топлива и сырья.

Это об'яснялось катастрофическим состоянием железных дорог на Урале.

Падающая с каждым днем производительность труда в железнодорожных мастерских, отсутствие топлива и чрезмерная нагрузка дорог солдатами, возвращающимися с фронта, анархическое использование эшелонов и другие причины привели железные дороги почти в состояние неработоспособности.

На Пермской железной дороге к концу 17 года из 616 паровозов находились в ремонте 238. Омская железная дорога в это же примерно время, из-за отсутствия топлива и вагонного состава, за исключением эшелонов с людьми прекратила передвижение всяких других грузов[1]). Это обстоятельство поставило многие уральские заводы в отчаянное положение.

Богословский медный рудник остановился благодаря тому, что не было возможности доставить кокс.

В Симском заводе были остановлены две домны из-за недостатка угля.

---

[1]) «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», т. III, стр. 10.

Мотовилихинский завод встал из-за невозможности подвезти каменный уголь из Кизела и Сибири.

При таком отчаянно-катастрофическом положении на Урале приступила советская власть к новой, для нее пока еще неиспытанной, работе.

На второй же день после свержения Временного правительства в Петрограде, Уральский областной совет в своем воззвании к населению Урала об'явил себя властью в области и потребовал от местных советов взять власть в свои руки.

В последующем обращении ко всем уездным советам, областной совет Урала дал уже подробные указания об организации и действии советов на местах.

Он указал, что в фабрично-заводских поселках и на отдельных заводах представителями власти являются советы рабочих и солдатских депутатов, а в деревнях—советы крестьянских депутатов. Для управления уездами, где существовали еще два самостоятельных органа: советы рабочих и солдатских депутатов и советы крестьянских депутатов—областной совет, впредь до созыва об'единенных с'ездов советов, приказал организовать временные военно-революционные комитеты с представительством обоих уездных советов, бюро профсоюзов, заводских комитетов, социалистических партий[1]) и железнодорожных комитетов.

1) Выражение «социалистических партий» взято буквально из обращения Уральского областного совета.

В этом же инструктивном обращении областной совет Урала указал, что местные начальники милиции подчиняются временным революционным комитетам, что органы печати, призывающие к неповиновению власти советов, подлежат немедленному закрытию и что приверженцы правительства Керенского, уличенные в призывах к неподчинению новой власти, подлежат немедленному аресту[1]).

Это инструктивное обращение, опубликованное в первой половине ноября, не только наметило порядок организации советской власти на местах, но и указало на главнейшую из задач советской власти — на необходимость борьбы с контр-революционными элементами и печатью.

Последующим мероприятием областного совета Урала и советов на местах было немедленное налаживание продовольственного дела, которое находилось в отчаянном положении.

При разрешении этого вопроса советы на Урале вынуждены были приложить поистине героические усилия, чтобы частично ослабить продовольственный кризис.

В начале ноября областной совет постановил организовать доставку зерна из хлебных районов посредством специальных маршрутных поездов, в сопровождении вооруженных солдат.

[1]) Уралистпарт. Протоколы Уральского областного совета 2-го созыва.

Кроме этого, областной совет предложил шадринскому и камышловскому советам принять самые решительные меры к воспрепятствованию неорганизованного вывоза хлеба из этих уездов.

Позднее, в апреле месяце, областной совет добился от центра отпуска 88 миллионов рублей для закупки хлеба заводам.

До получения этих денег местные советы вынуждены были применять обложение местной буржуазии и выпуск своих бонн, которые в обязательном порядке было приказано местным торговцам принимать в уплату за продукты.

Случаи обложения местной буржуазии на закупку продовольствия наблюдались в Надеждинском, Сысертском и Воткинском заводах.

Невьянский совет совместно с заводами округа выпустил свои боны на 45 тысяч рублей, которые, по мере получения кредитов, постепенно выкупались.

Помимо этого в доставке хлеба приложили героические усилия и сами рабочие.

Отдельные заводы самостоятельно наряжали экспедиции в Сибирь со своими фабрикатами и там путем обмена добывали хлеб.

Разумеется, в этой работе не наблюдалось плановости, но в ту пору надо считать героями даже тех отдельных рабочих, которые сумели проявить инициативу и привести хлеб.

Так или иначе, а общими усилиями областного совета, советов на местах и заводских рабочих Урала, продовольственное положение на Урале к маю 1918 г. значительно улучшилось.

Не мало усилий со стороны советской власти и рабочих Урала потребовалось на введение контроля над производством. На казенных заводах введение контроля прошло безболезненно, но зато на частновладельческих предприятиях рабочий контроль вызвал ожесточенный отпор капиталистов.

Начиная со второй половины января 1918 года, рабочие многих заводов поднимают вопрос перед уральским областным советом о национализации заводов.

Первый завод, который уральский областной совет в плановом порядке постановил национализировать, был Верх-Исетский.

В вынесенном по этому поводу постановлении 16 января говорилось: «Ввиду отказа правления В.-Исетского горного округа от введения рабочего контроля и отказа правления финансировать округ, областной совет об'являет округ национализированным и предписывает конфисковать все имущество округа: заводы, продукты, материалы, капиталы и текущие счета округа»[1]).

[1]) Уралистпарт. Протоколы Уралсовета 2-го созыва.

Вслед за В.-Исетским заводом последовало постановление о национализации Алапаевского завода, Кизеловского горного округа, приисков Н.-Тагильского округа, писчебумажной фабрики Ятес и других предприятий Урала.

К маю 1918 года большинство предприятий и заводов Урала, владельцы которых отказывались от введения рабочего контроля, были национализированы.

Одновременно с национализацией заводов создавались и органы управления заводами—деловые советы.

В круг обязанностей деловых советов, согласно определения Уральского областного совета, входило: административное и техническое управление заводами; прием, выполнение и сдача заказов; производство операций по получению и уплате денежных сумм и по залогу продуктов и материалов и, наконец, подписывание векселей и обязательств [1].

В деловых советах большинство было предоставлено представителям от рабочих и меньшинство представителям администрации и технического персонала [2].

Одновременно с деловыми советами, возникающими в национализированных частновладельческих пред-

[1] Уралистпарт. Протоколы Ур. обл. совета 2-го созыва.

[2] Соотношение рабочих и администрации в деловых советах было примерно таково: или $^3/_5$ рабочих и $^2/_5$ администрации, или $^2/_3$ рабочих и $^1/_3$ администрации.

приятиях, на казенных заводах, вокруг горных начальников, были организованы особые комиссариаты, в которые входили две трети от рабочих и представители от советов и одна треть от служащих и технического персонала.

Однако, эти комиссариаты, с одной стороны, в силу с своей коллегиальной многочисленности, с другой—саботажа горных начальников и технического персонала—просуществовали недолго и в марте 1918 г. были реорганизованы в более жизненную форму—в деловые советы.

Следующими крупнейшими мероприятиями, чисто организационного порядка, надо считать выделение из состава областного совета ответственных комиссаров для руководства различными отраслями работы.

С организацией совета комиссаров Уральской области [1]), при строгом разграничении функций между ними, работа во всех областях хозяйственного и советского строительства не могла не пойти вперед.

Третий же уральский областной с'езд советов (январь—февраль 1918 г.) сыграл крупную роль в другом направлении. На этом с'езде, на основе

---

[1]) Председателем совета комиссаров был избран В. Н. Андроников, его заместителем—И. Я. Тунтул, военным комиссаром—Н. И. Уфимцев, юстиции—И. И. Голощекин, финансов—Ф. Ф. Сыромолотов, снабжения—П. Л. Войков, транспорта—В. А. Васильев и производства—А. А. Кузьмин. Постановление о выделении комиссаров было вынесено 10 янв. 1918 г.

опыта, накопленного в центре и на местах, впервые уральские рабочие занялись серьезно проработкой вопросов по советскому строительству и по восстановлению промышленности и сельского хозяйства.

Не имея возможности подробно остановиться на работе областного совета Урала после с'езда, мы, однако, считаем необходимым отметить основные вехи, по которым эта работа направлялась.

В этом отношении следует указать в первую очередь на работу, направленную к организации устойчивого, жизнеспособного областного советского аппарата. Эта работа, с организацией в марте областного отдела управления, и в начале мая статистического управления—была по существу окончательно завершена.

В области промышленности, дополнительно к национализации крупных фабрик и заводов, в феврале было вынесено постановление о передаче всех зерноперерабатывающих предприятий в ведение местных советов. Кроме того, в интересах обеспечения предприятий кредитом, 9 марта областной совет постановил предоставить право банкам восстанавливать, под контролем комиссариатов труда и финансов, кредит национализированным и казенным предприятиям.

И, наконец, последнее, на что надлежит обратить особое внимание, это попытка областного совета еще 20 апреля 1918 г. повести борьбу с падением про-

изводительности труда на В.-Исетском заводе. Этот сам по себе малозначительный факт говорит о том, что советская власть еще в апреле 1918 г. брала твердый курс на восстановление промышленности Урала.

Вместе с промышленностью не забывал Уральский совет и сельское хозяйство.

Озабочиваясь своевременной заготовкой семенного фонда, 19-го марта на заседании совета коммисаров Урала было постановлено: отпустить областному совету снабжения для этой цели 15 миллионов рублей, потребовать дополнительно 10 миллионов из центра.

Вот в грубых чертах первые шаги советской власти на Урале до выступления чехо-словаков.

Суммируя проделанную работу, можно без преувеличения сказать, что основные задачи, которые выдвигала партия большевиков перед Октябрем, были осуществлены.

Земля и леса были в руках крестьянских советов.

Фабрики и заводы национализированы, и для их управления созданы рабочие органы.

Банки захвачены советами и, наконец, главное—разрушен старый аппарат власти и, на его месте создан достаточно жизнеспособный советский аппарат.

4. Первые контр-революционные выступления против советов.

Сразу же после Октябрьского переворота советской власти на Урале пришлось встретиться с сопротивлением правых эсеров и меньшевиков, горнопромышленников и казаков-дутовцев. Помимо этого, враждебно встречали советскую власть городское чиновничество и деревенские кулаки.

На третий день после переворота пермские эсеры, понимая, что они окончательно теряют власть, опубликовали воззвание, открыто призывая в нем к свержению советской власти: «Мы должны мобилизовать все свои силы и с ясным умом, твердою волей, горячим сердцем, с чутким пониманием исторических задач нашей программы, выступить с оружием в руках, если того потребуют обстоятельства, на защиту земли и воли...» [1]),—писали они в своем обращении.

Екатеринбургские меньшевики в своем воззвании в это же, примерно, время им вторили:

«Мы призываем дружно стоять за действительную народную власть всей демократии против ди-

[1]) Газета „Народная Воля", № 47 за 1917 г.

ктатуры большевиков, а на насилие всюду отвечать массовым сознательным отпором, изолируя их, как зачумленных»... [1]).

Однако, несмотря на эти истерические выкрики меньшевиков и эсеров, с ними вместе шли только почтово-телеграфные чиновники.

Екатеринбургские телеграфисты сразу же, по получении первых телеграмм о перевороте в Петрограде, прекратили прием оттуда последующих сообщений и усердно начали распространять провокационные телеграммы московского союза почтово-телеграфных служащих.

Такое действие телеграфистов вызвало со стороны Уральского областного совета закрытие телеграфа.

Это в свою очередь повлекло забастовку екатеринбургских телефонисток и почтовых чиновников.

Эта забастовка екатеринбургских мещаночек с телефонной станции и недоношенных интеллигентиков с почты и телеграфа, с точки зрения политической, ничего серьезного не представляла.

Важнее было другое: советская власть не имела возможности их заменить, и благодаря этому основной нерв общественной жизни—связь оказалась в зависимости от чуждых революции элементов.

Разумеется, подобная забастовка продолжаться длительное время не могла, и это великолепно по-

[1]) Уралистпарт. Дело № 6.

нимали трусливые защитники Временного правительства—телеграфисты и чиновники.

Забастовка прекратилась 1 ноября с образованием в Екатеринбурге революционного комитета.

Выступили в первые же дни с погромной агитацией и екатеринбургские кадеты.

Но с закрытием их газеты «Зауральский Край», они оказались изолированными и, кроме язвительного перешептывания по своим квартирам, ничего серьезного сделать не могли.

Сложнее дело оказалось с контр-революционным экономическим заговором уральских горнозаводчиков.

Они еще до Октября, в качестве средства борьбы с введением рабочего контроля, начали применять прекращение финансирования заводов.

После Октябрьского переворота, когда рабочий контроль начал вводиться повсеместно, они решили действовать энергичнее.

Совет с'ездов горнопромышленников Урала, сугубо секретным письмом от 23 ноября по всем заводам, которые он об'единял, правлениям заводов предписывал:

«. . . 1. Не признавать и не допускать установления какого бы то ни было контроля рабочих над деятельностью предприятий ни осведомительного,

ни фактического, ни тем более вмешательства в управление или захвата власти рабочими организациями в свои руки.

2. В случае насильственного осуществления такого рода попыток, закрыть соответственные предприятия или же приостановить переводы денег.

3. Не признавать силы закона за декретами «Совета Народных Комиссаров» и других самочинных организаций, как, например, советов рабочих депутатов, революционных комитетов и т. п.» . . [1]).

Уральский областной совет, узнав о вышеприведенной инструкции, командировал своего представителя в Петроград для информации Совнаркома о положении на Урале.

В результате этой поездки получено было распоряжение В. И. Ленина о применении самых крутых мер против саботажников-заводчиков, поставивших своей целью, путем остановки заводов, спровоцировать голодный бунт на Урале.

12-го января 1918 г., постановлением Уральского областного совета, бюро совещания горнопромышленников было закрыто, руководители бюро арестованы, а уральские заводы один за другим национализированы.

Одновременно с контр-революционной работой уральских горнопромышленников вели гнусную

[1] «Уральский Рабочий», № 71 от 30 декабря 1917 г.

работу и уральские правые эсеры. После закрытия Учредительного Собрания, пермскими и екатеринбургскими эсерами усиленно распространялись среди населения воззвания фракции правых эсеров Учредительного Собрания и письмо пермских депутатов этой фракции, в которых рабочие и крестьяне призывались к восстанию против советской власти и к свержению Совета Народных Комиссаров.

Помимо этого, советской властью была перехвачена телеграмма пермского губернского комитета правых эсеров, обращенная к екатеринбургскому комитету, призывающая готовить немедленно силы к вооруженному выступлению [1]).

Ясно, что эсеровского выступления советская власть не допустила, арестовав заблаговременно эсеровскую головку.

Однако, в Верхотурье и Шадринске эсерам все же удалось организовать «Союзы защиты Учредительного Собрания», которые в середине января попытались провести, в знак протеста против разгона Учредительного Собрания, общегородские забастовки.

Но из этой попытки в Верхотурье ничего не вышло в силу ареста руководителей союза Бахтеева и Ардашева, а в Шадринске забастовка не удалась благодаря тому, что к ней не примкнуло ни одного рабочего.

[1]) «Известия пермск. губ. исполкома», № 13 за 1918 г.

Но выступление контр-революционных сил против советской власти этим не ограничилось.

В феврале месяце на юге Урала и в Екатеринбургском уезде наблюдались случаи контр-революционных выступлений кулачества. Особенно злобные выступления против местных советов и большевиков были в Артинском заводе и селе Богоряк.

В селе Богоряк кулаки разогнали 15 февраля волостной с'езд сельсоветов, арестовали большевиков, а при наступлении отрядов Красной гвардии оказали вооруженное сопротивление.

Участник этих событий тов. Онуфриев, арестованный кулаками в первый момент восстания, о стычке кулаков с красногвардейцами рассказывает следующее:

«.... Днем, сидя в каталажке, я услыхал тревожно метавшийся набатный звон, увидел толпы бегущего куда-то народа. Кулаки решили не пускать красногвардейцев в деревню, вооружились, наскоро возвели снежные окопы, наставили бороны в сторону двигающейся Красной гвардии и таким образом создали укрепленный лагерь. Первая попытка красногвардейцев взять село приступом не имела успеха: кулаки, сорганизовав боевые группы, зашли в тыл малочисленному красногвардейскому отряду и вынудили его отступить....» [1]).

[1]) Ив. Онуфриев „Гражданская война на Урале", стр. 8.

В Артинском заводе, также как и в селе Богоряк, сорганизовавшееся кулачество в феврале месяце разогнало совет, создало свое, построенное на коалиционных началах, правление, пока карательный отряд тов. Анфалова не разогнал всю эту контрреволюционную свору.

Однако, все противосоветские группировки, за исключением казачества, оказались не в состоянии создать мало-мальски солидные силы для борьбы с советской властью.

5. Борьба с казачеством в Челябинске и Троицке.

Основной контр-революционной силой на Урале и в смежной с ним Оренбургской губернии, с которой сразу же после Октября советской власти пришлось вести вооруженную борьбу,—явилось зажиточное казачество, руководимое контр-революционным казачьим офицерством.

В этом отношении казачьи районы для контр-революционной буржуазии были наиболее благоприятными, чем прочая территория России.

Кулацкая прослойка среди казачества, в том числе оренбургского и уральского, была значительно полнее, нежели среди населения других местностей. Да и реакционно-кастовые традиции казачества и их территориальная отдаленность от революционных центров давали возможность значительно свободнее вести контр-революционную работу, чем, скажем, на территории центральной России.

Организуя свои силы для борьбы с революцией, буржуазия, разумеется, эти обстоятельства учитывала.

Мы не имеем возможности проверить по документам, какие секретные поручения получил Дутов

в начале сентября 1917 г.[1]) от военного министра Верховского, отправляясь в Оренбург, но зато хорошо знаем, какую работу по прибытии туда вел среди казачества Дутов.

Выступая на заседании чрезвычайного Оренбургского войскового круга, 20 сентября 1917 г., Дутов, обращаясь к казакам, заявил: «Мы не с демократией, не с аристократией, ни с тою или иною партией, мы, казаки—сами единая партия. И мы с теми, кто любит родину. Пора, станичники, пора спасать родину, как спасли ее казаки триста лет тому назад...»[2]).

От каких именно врагов собирался Дутов «спасать родину», лучше всего говорит его же статья, опубликованная в «Оренбургском Казачьем Вестнике», № 67, под заголовком «Германский шпионаж».

В этой статье Дутов повторяет гнусную клевету прислужника буржуазии Бурцева о существующей, якобы, связи В. И. Ленина с немецким генеральным штабом.

Однако, работа Дутова заключалась в Оренбурге не только в агитации, направленной против большевистской партии.

---

[1]) В то время Дутов был председателем Совета союза казачьих войск и представителем всероссийского казачества при Временном правительстве.

[2]) Брошюра «Александр Ильич Дутов». стр. 77.

С момента его появления, г. Оренбург становится организационным центром контр-революционного казачества.

Начиная еще со второй половины сентября 1917 г., Дутовым по всем казачьим районам, в том числе и уральским, рассылаются казачьи офицеры, которые, вместе с распространением клеветы на большевиков, ведут работу по формированию вооруженных отрядов.

Будучи сами жителями деревень, казачьи офицеры легко завербовывали в отряды зажиточных казаков, которые охотно шли в них из боязни, что с переходом власти к советам большевики отберут у них наследственные земли.

Вместе с казаками-кулаками шли в отряды и бывшие урядники (унтер-офицеры), рассчитывая, что им удастся в короткий срок заслужить офицерский чин.

Казаки бедняки от вступления в дутовские отряды уклонялись.

В то время их симпатии к революции выливались в полулегальной агитации среди одностаничников за создание советов в станицах.

Такая обстановка в казачьих районах в момент Октябрьской революции потребовала, для утверждения власти советов, участия вооруженной силы, а впоследствии вызвала вооруженные столкновения между дутовцами и советскими отрядами.

Основными пунктами, где контр-революционное казачество пыталось противодействовать утверждению советской власти, были города: Троицк, Челябинск, Оренбург и Верхнеуральск.

Первыми, где выступление казачества причинило не мало хлопот только что родившейся советской республике, были города Челябинск и Троицк.

В этих смежных двух городах, расположенных в казачьих районах, известие об Октябрьской революции было встречено по разному. Если в Челябинске, после получения коротенькой телеграммы из Петрограда о свержении Временного правительства, челябинский совет сумел сразу же взять власть в свои руки, то в Троицке власть захватило контр-революционное казачество.

Мы не знаем точно, какое количество вооруженных казаков было в Троицке в дни Октября, но оно, по-видимому, было не так малочисленно, если контр-революционеры имели возможность не только удерживать власть у себя в городе, но и выслать отряд против революционного Челябинска.

Этот троицкий отряд, под командой эсаула Титова, в первых числах ноября, расположившись неподалеку от Челябинска, в поселке Шерстни, предъявил челябинскому совету ультиматум, в котором требовал распустить совет, угрожая в противном случае свергнуть его вооруженной силой.

Руководители челябинского совета, получив такой ультиматум, немедленно стянули все красногвардейские части и рабочих к Народному дому и поставили перед собравшимися вопрос об опасности, угрожающей Челябинску.

Значительная часть рабочих, присутствующих на собрании, тотчас же потребовала у совета выдачи оружия для обороны города.

Оружия в распоряжении совета не было и достать его было трудно, так как оно находилось в руках военного командования, в лице полковника Сорочинского, настроенного контр-революционно.

Из этого положения был, однако, найден выход: пользуясь согласием командного состава 109 полка снять незаметно караулы от оружейных арсеналов, совет поручил прапорщику Голубых и члену совета Морозову вывезти из арсенала нужное количество винтовок и патронов и вооружить ими рабочих.

Распоряжение совета было исполнено. Из арсенала, с риском для жизни, было вывезено три воза 3-х линейных винтовок и большое количество патронов.

Получив оружие, отряды Красной гвардии вместе с рабочими заняли посты на дорогах из деревень к городу.

Для переговоров с отрядом есаула Титова были посланы представители городской думы Поляков и городской голова Шинкарев.

Вернувшись, они сообщили следующие требования есаула Титова, исполнение которых могло бы приостановить военные действия с его стороны. Титов требовал: «1) Вернуть в трехдневный срок взятое из арсенала оружие. 2) Восстановить в правах городскую думу [1].

Такие условия вызвали всеобщее негодование.

Однако, благодаря численному превосходству отряда Титова, совет вынужден был, во избежание кровопролития, пойти на уступки. Частично винтовки, хотя и других систем (3-х линейные остались у рабочих на руках), были возвращены в арсенал, а власть фактически перешла к городской думе.

Есаул Титов в свою очередь, убедившись, что столкновение с революционно-настроенными рабочими и Красной гвардией не могло бы повести его отряд ни к чему хорошему, вскоре покинул Шерстни по направлению на Троицк.

Однако, несмотря на то, что власть в городе была передана городской думе, совет продолжал существовать.

Это обстоятельство вызвало со стороны оставшихся белогвардейцев из 163 полка, которым командовал полковник Сорочинский, травлю против совета, которая, постепенно разгораясь, могла вылиться в полнейший разгром рабочих организаций.

[1]) Уралистпарт. Воспоминания В. И. Евтеева.

Большевистская фракция совета, учитывая это, а также и то, что в окрестностях Челябинска имеется большое количество казачьего населения, враждебно настроенного против советской власти, и что на случай серьезного выступления белогвардейцев отрядам Красной гвардии будет трудно справиться с этой лавиной казачества, срочно создала конспиративную тройку, поручив ей войти в соглашение с ближайшими городами и подтянуть в Челябинск необходимые вооруженные силы.

Работа тройки дала быстрые результаты.

К половине ноября в Челябинск начали прибывать один за другим советские отряды. Первым прибыл из Самары отряд Блюхера и Садлуцкого в 150 человек с 8-ю орудийной батареей.

Вслед за ним прибыл из Петрограда Северный летучий отряд под командой Павлова в составе 17 Сибирского пехотного полка и 400 человек матросов-балтийцев.

Помимо этого в Челябинск были высланы отряды из Уфы, Томска и Омска. Численность этих отрядов вместе с Красной гвардией Челябинска была не менее 1500 человек, при орудиях и пулеметах.

Наличие таких сил обезопасило Челябинск от казачьих налетов и дало возможность укрепить советскую власть в городе.

Окончательно организовавшись, челябинский военно-революционный комитет 26 ноября, в приказе № 1.

об'явил: «Являясь полномочным органом власти С. Р. и С. Д. и проводником в жизнь декретов Совета Народных Комиссаров, военно-революционный комитет в целях охраны революционного порядка сообщает, что:

1. Передвижение воинских частей челябинского гарнизона находится в полном распоряжении военно-революционного комитета.

2. Вторжения в жилье, торговые помещения, самовольные обыски, конфискации, реквизиции без разрешения военно-революционного комитета ни в коем случае не допускаются.

3. Все попытки к погрому, насилию, нарушению революционного порядка будут пресекаться в корне.

4. Все правительственные и общественные организации призываются к работе в контакте с военно-революционным комитетом.

5. Постановления военно-революционного комитета обязательны для всех граждан города Челябинска».

Обезопасив окончательно не только Челябинск, но и его окрестности от контр-революционных казачьих банд, 20-го декабря Северный летучий отряд Павлова двинулся в Троицк, где еще продолжали удерживать власть казачьи отряды.

На шестой версте от Челябинска, на раз'езде Шерстни, отряд Павлова уже встретил разведку казаков и обстрелял ее.

Возле станции Полетаево между казаками и наступающим летучим отрядом Павлова произошла пе-

рестрелка. Казаки под натиском красных вынуждены были отступить к станции Еманжелинской, где и сосредоточили почти все свои силы.

Генеральный бой с казаками произошел у Еманжелинской.

В этом бою отрядники одержали блестящую победу над казаками, при незначительных потерях со своей стороны.

При отступлении от Еманжелинской казаки увезли телеграфные и телефонные аппараты, испортили водокачку и разобрали железнодорожный путь.

Помимо этого эшелоны Павлова не могли двигаться вперед из-за недостатка воды в паровозах.

Только после упорной работы по исправлению железнодорожного пути и насыщения паровозов водой 22 декабря, отрядники двинулись к станции Нижне-Увельской.

Однако, продвижение шло очень медленно: противник все время вел обстрел эшелонов и портил впереди путь.

Но несмотря на обстрел и порчу пути, красные все же продолжали продвигаться вперед.

24-го декабря, заняв Нижне-Увельскую, отряды без боя двинулись на Троицк. и в 12 часов ночи город Троицк был занят отрядами Павлова, а казаки рассыпались по окрестным станицам.

Только с этого времени советская власть в Троицке получила возможность приступить к работе.

6. Первый поход против Дутова.

Однако, противодействие казачества, оказанное в Челябинске и Троицке, надо считать только началом вооруженной борьбы, которую начал Дутов с первых же дней Октябрьской революции в г. Оренбурге.

Как только в Оренбурге было получено известие об Октябрьской революции в Петрограде, Дутов, опираясь на более надежные казачьи части, юнкеров, прапорщиков и местную буржуазию, захватил власть в городе и организовал казачье «войсковое правительство».

Одновременно с этим, под его протекцией, возник «Комитет спасения родины и революции», составленный из эсеров, меньшевиков, народных социалистов, кадетов и других представителей из среды ненавидящих советскую власть.

Главная роль в комитете принадлежала эсерам. Председателем комитета был городской голова эсер Барановский, туда же входил и местный комиссар Временного правительства, ставленник Керенского, эсер Н. В. Архангельский.

Для того, чтобы точнее уяснить политику Дутова, необходимо заранее оговорить, что сотрудничество его с эсерами и меньшевиками вызывалось отнюдь не симпатиями, которых он к ним не питал, а исключительно малочисленностью сил, с которыми ему приходилось развертывать борьбу против советской власти.

Его слова, произнесенные еще в сентябре на заседании войскового круга о том, что «казаки не с тою или иною партией, и что они сами казаки есть единая партия», остались для него так же святы, как они и были, но до поры до времени он вынужден был терпеть хотя бы и таких союзников, как меньшевики и эсеры, раз они охотно брались защищать начатое им контр-революционное дело своими «социалистическими» щитами.

Первыми актами власти «Комитета спасения родины и революции» надо считать закрытие большевистской газеты «Пролетарий», захват подпольной большевистской типографии, арест редактора газеты А. Коростелева и, наконец, закрытие партийного клуба.

С этого момента началась усиленная мобилизация сил как со стороны Дутова, так и со стороны большевистской партии.

Дутов стягивал в Оренбург добровольцев казаков, формировал отряды из офицерства и учеников старших классов гимназии, вооружил школу прапорщиков и готовился к принудительной мобилизации казачества.

Тем временем большевистская организация устраивала массовые собрания в цирке, проводила перевыборы ротных и полковых комитетов в воинских частях, добилась перевыборов совета, которые обеспечили ей в новом составе совета большинство и, наконец, организовала, в противовес «Комитету спасения родины и революции», военно-революционный комитет.

Это последнее обстоятельство окончательно вывело из терпения дутовцев, и они первыми начали борьбу против большевистского совета и только что избранного военно-революционного комитета.

В середине ноября «Комитет спасения родины и революции» приказал военным властям «принять все меры для ареста созданного большевиками военно-революционного комитета, не останавливаясь перед применением оружия...»[1]).

Такое постановление дутовскими бандами в этот же день было приведено в исполнение. 17-го ноября, ночью, когда шло заседание совета, здание Караван-Сарая, где помещался совет, было оцеплено дутовской милицией, казаками и юнкерами, и все активные большевики были арестованы.

Об этом аресте и о дальнейших расправах над арестованными, т. Закурдаев, в то время член оренбургского военно-революционного комитета, пи-

[1]) Опубликовано в газете «Оренбургское Земское Дело», от 28 ноября 1917 г.

шет так: «После обыска построили нас по четыре человека в ряд и погнали под усиленным конвоем под 4 цепями, т. е. по 2 цепи с обеих сторон, в «Комитет спасения родины и революции», а сзади нас ехал автомобиль с направленным на нас пулеметом. Недалеко от комитета была построена с двух сторон цепь из казаков, которая нас поджидала. Только что успели нас вогнать в эту цепь, как на нас обрушились со всех сторон плети, шашки в ножнах, кулаки, приклады. Нас избили так основательно, что порою и сейчас приходится вспоминать об этих ударах. Больше всех досталось т. Цвиллингу [1]), которого приподнимали и били об лестницу».

Сам т. Цвиллинг о дальнейших зверствах над ним рассказывает следующее: «По приезде меня бросили в какое то помещение, где на меня набросилась целая свора юнкеров, и началось избиение. Били нагайками, прикладами, револьверами... Когда я окровавленный протер глаза, то увидел, что в комитете присутствует целый ряд видных местных меньшевиков и правых эсеров. Избиение, оказывается, происходило у них на глазах, и они хладнокровно наблюдали, как меня били, и даже пальцем

[1]) С. М. Цвиллинг незадолго до этих событий прибыл в Оренбург для работы, имея мандат от Совета Нар. Комиссаров. Он был выбран в члены военно-рев. комитета и председательствовал на собрании, на котором комитет избирался.

не пошевельнули, чтобы прекратить издевательство. Правда, после избиения они послали за микстурой, но я от этой любезности г.г. «социалистов» отказался...» [1])

Арест членов совета и военно-революционного комитета вызвал забастовку рабочих почти на всех предприятиях г. Оренбурга. Не бастовали электрическая станция и городской водопровод, но рабочие и этих предприятий дали свое согласие примкнуть к забастовке, если потребуется.

Всего в помещении Караван-Сарая было арестовано около 125 человек. Вскоре около ста человек было выпущено по категорическому настоянию рабочих. Остальных 35 человек, наиболее активных большевиков, рабочим отстоять не удалось. Их сначала разместили по казачьим станицам, а потом, убедившись, что они своей агитацией разлагают казачество, перевели в оренбургскую тюрьму.

Их, наверное, расстреляли бы, если бы им не удалось коллективно бежать из тюрьмы.

Но и после побега этих товарищей забастовка рабочих продолжалась. Чтобы ее прекратить, «Комитет спасения родины и революции» предложил предпринимателям не платить рабочим за прогульное время.

---

[1]) Доклад т. Цвиллинга об оренбургских событиях в челябинском совете, опубликованный в газете «Ур. Раб.», № 6 от 11 янв. 1918 г.

Это, однако, не помогло: железнорожники, например, кончили забастовку только по занятии Оренбурга советскими войсками.

Выступление Дутова в Оренбурге, при возможности с его стороны наступательных действий, угрожало непосредственно Самаре, Уфе и Челябинску. Причем промедление в ликвидации дутовщины влекло за собой усиление боевых сил противника за счет казачьего населения Оренбургской губернии.

Эти обстоятельства советской властью были учтены, как только стала ясной окончательно сложившаяся обстановка в Оренбурге.

В конце ноября Советом Народных Комиссаров было вынесено специальное постановление, намечающее основные моменты борьбы с казачьей опасностью, в том числе и с дутовщиной. В заключительной части этого постановления говорилось следующее:

«1. Все те области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контр-революционные отряды, об'являются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контр-революционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контр-революционерам со стороны местного населения, или же-

лезнодорожного персонала будут караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора об'являются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит иго Каледина, Корнилова и Дутова, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны советской власти»[1]).

Одновременно с этим постановлением Совет Народных Комиссаров назначил для руководства борьбой с восстанием Дутова чрезвычайного комиссара т. Кобызева, подчинив ему Оренбургскую и Тургайскую области[2]).

В первых числах декабря началось собирание сил для борьбы с Дутовым.

Примерно к 20 числу декабря стягивание сил против Дутова в основном было закончено.

По воспоминаниям участника дутовского похода т. И. З. Ермакова, в Челябинске сосредоточилось около 2000 советских войск.

Эта группа составилась из следующих частей и отрядов: Челябинск выделил все свои красногвардейские силы, Екатеринбург выслал три отряда (отряд В.-Исетского завода, отряд железнодорожников и городской) под общей командой т. Ермакова, числен-

[1]) «Уральский Рабочий», № 51 от 2 декабря 1917 г.
[2]) «Изв. Челяб. Военно-революц. Комитета», № 3 от 2 декабря 1917 г.

ностью в 550 человек, из Перми и Мотовилихи прибыл отряд в 300 человек под командой Борчанинова и, наконец, после некоторых трений изъявили желание принять участие в походе солдаты 109 и 163 полков, квартировавших в Челябинске.

Наступление на Оренбург предположено было вести одновременно с двух направлений, с запада—от Бузулука и с юга—от Ташкента. Однако, ташкентские отряды подошли к Оренбургу, когда он был уже занят, и, таким образом, борьба с дутовцами выпала исключительно на долю отрядов, наступавших от Бузулука.

После того, как организационная подготовка была закончена и был выработан план наступления, отряды из Челябинска был переброшены в Бузулук, откуда 23 декабря и начали наступление на Оренбург.

Наступление, как это восстанавливается из воспоминаний Ермакова, велось следующим порядком: впереди отряда шел броненоезд [1]) с передовой ударной группой. За ним, на расстоянии, примерно, верст десяти, двигались добавочные силы, которые должны были вступать в бой в случае большого накопления

[1]) Этот бронепоезд был сооружен в Бузулуке самими отрядниками. Он состоял из 8 товарных вагонов, у которых стенки внутри были обиты досками, а промежуток между стенками вагонов и обшивкой был засыпан землей. Кроме этого, к поезду были прицеплены три площадки. На одной из них помещался броневой автомобиль, а на других двух—два 37 мм. орудия.

противника, причем таких ударных групп имелось четыре, которые попеременно, сменяя друг друга, возглавляли движение. Наступление отряда от Бузулука до станции Гамалаевка протекало почти без боя [1]).

Станция Гамалаевка была занята отрядами неожиданно для противника и без жертв для наступающих. Там был захвачен дутовский обоз с большим количеством хлеба и патронов.

Наступление на станцию Сергеевку отрядам пришлось вести в более тяжелых условиях.

Эта станция для противника представляла весьма удобный опорный пункт, почему он удерживал ее очень стойко.

Частям отрядов пришлось вести наступление в очень сильный буран, при усиленном сопротивлении противника.

Однако, сопротивление было сломлено, и станция Сергеевка была занята.

Отступая, дутовцы успели сжечь, находившийся в трех верстах от станции железнодорожный мост, что затруднило продвижение вперед бронепоезда и эшелонов. При таком положении отряды решили на ст. Сергеевка закрепиться, чтобы удержать за собой выгодные позиции и исправить взорванный железнодорожный мост.

---

[1]) Уралистпарт. Воспоминания П. З. Ермакова.

Оправившись от удара, противник через несколько часов повел наступление на Сергеевку.

Недалеко от нее, на раз'езде № 13, между отрядами и дутовцами произошел бой.

Об этом бое в официальном бюллетене оренбургского «Комитета спасения родины и революции» говорится, что «со стороны противника участвовало 1500 человек пехоты, около 50 человек конницы и взвод полевых орудий [1]), а также пулеметы...

Противник вел наступление 4 цепями, отлично совершавшими маневры, применяя обходные движения с накапливанием сил на флангах по способу, применяемому в австрийской пехоте...

Орудийная стрельба противника, вначале беспорядочная и дававшая большие перелеты, под конец боя, видимо, корректировалась и давала попадания...» [2]).

Наступление дутовцев на Сергеевку было отбито.

Преследуя их по пятам, отряды красных, 24 декабря, заняли станцию Сырт и раз'езд № 15. Но вскоре, в силу того, что дутовцами при отступлении были взорваны мосты, и отрядники не могли быстро продвинуть в Сырт бронепоезд и эшелоны,—красные, под давлением прибывшего из Оренбурга отряда

---

1) В отряде было два 37 мм. орудия.

2) «Оренбургский Край», № 178 от 27 декабря 1917 года

полковника Нейзеля, покинули раз'езд № 15 и станцию Сырт.

Однако, основной причиной отступления следует считать не столько появление отряда Нейзеля, сколько крепкие морозы, которые стояли в эти дни, а главным образом отсутствие вблизи эшелонов, в которых отрядники могли бы согреваться [1]).

После этого отступления наступило затишье.

Оно продолжалось, примерно, до 5-го января, пока не прибыл в Бузулук тов. Цвиллинг вместе со свежими эшелонами красногвардейцев.

С прибытием т. Цвилинга, по сообщению т. Моисеева, участника похода, все мелкие отряды были слиты в один, образовавший довольно значительную силу и получивший название «Первого сводного революционного». Каждый из начальников бывших мелких отрядов стал именоваться начальником сотни и имел своего помощника.

Был издан приказ по отряду о порядке подчиненности каждого начальника и о необходимости дисциплины в рядах отряда. В приказе было указано, что за каждое хулиганское выступление, подрываю-

[1]) О действии мороза на бойцов лучше всего дает представление бюллетень оренбургского «Комитета спасения родины и революции», опубликованный в газете «Оренбургский Край», №178 от 27 декабря 1917 года. Сообщая о потерях, понесенных дутовцами под ст. Сырт, бюллетень, между прочим, сообщает, что из 49 человек, выбывших из строя,— 25 падает на обмороженных.

щее авторитет отряда, виновные будут подвергаться наказанию вплоть до расстрела.

Общеполитическое руководство наступлением было сосредоточено в руках т. т. Цвиллинга и Кобызева, военное командование отрядом было поручено тов. Павлову, который, разделавшись с казаками в Троицке, к этому времени прибыл со своим отрядом на оренбургский фронт. Произведенная реорганизация и усиление фронта свежими частями вскоре дали себя почувствовать противнику.

8-го января в газетах уже сообщалось, что отряды продвинулись к Оренбургу до 11-го раз'езда [1]).

Следующим пунктом, где противник в течение трех суток оказывал упорнее сопротивление советским отрядам, была снова ст. Сырт. Но из нее, главным образом, потому, что красным частям удалось пробраться в тыл противника, 11 января дутовцы вынуждены были отступить.

В этом бою часть дутовцев была перебита, часть взята в плен, а остальные отступили к станции Платовка, где пытались закрепиться для нового сопротивления.

Однако, и отсюда противник был выбит и отступил в местечко Павловка, находящееся на расстоянии одного перегона от Оренбурга.

Здесь противник сосредоточил все свои силы и держался около двух суток.

[1]) «Изв. Челябинского Военно-революционного Комитета», № 31 от 19 января 1918 года.

Участь Оренбурга была на волоске.

Это почувствовали оренбургские рабочие. Еще до прихода красных они начали наводить в городе панику, стреляя и разбрасывая по улицам гранаты.

Благодаря этой поддержке рабочих, 19-го января советские отряды без боя заняли город.

Противник бежал из города с такой поспешностью, что не успел вывезти из лазаретов раненых и на станции бросил две трех-дюймовки.

Та сравнительная легкость, с которой советским отрядам удалось ликвидировать первое выступление Дутова, об'ясняется, главным образом, тем, что Дутов не нашел поддержки у местного казачьего населения.

Ему не удалось сгруппировать достаточно сил, чтобы обеспечить себе хотя бы первоначальный успех в борьбе с советскими отрядами.

«Когда большевики наступали, казаки окрестных станиц колебались и под тем или иным предлогом уклонялись от защиты своего войска», говорил делегат малого войскового круга Юзеев, об'ясняя неудачи Дутова под Оренбургом [1]).

Еще ярче характеристика отношения казачества к дутовской авантюре проскальзывает в № 110 дутовской же газеты «Оренбургский Казачий Вестник».

---

1) Из книги В. Владимировой: «Год службы социалистов капиталистам», стр. 147.

Там напечатано, что стоящие в Оренбурге 1-й, 4-й и 13-й запасные казачьи полки отказались выступить против советской власти и что этими полками на совместном собрании, на Форштадской площади (в Оренбурге), несмотря на длительные увещания делегатов войскового круга, была вынесена резолюция, основной смысл которой заключался в том, что полки нести службу не отказываются, но защищать чьи либо частные интересы, кроме казачьих, не будут и против советской власти не пойдут.

Такое уклончивое отношение казачества и явно враждебное оренбургских рабочих явились по существу основными причинами, благодаря которым так сравнительно легко удалось ликвидировать первое выступление Дутова.

7. Борьба с Дутовым под Верхнеуральском.

Поражение Дутова под Оренбургом не остановило его от дальнейшей борьбы с советской властью.

Перекочевав с кучкой преданных офицеров в Верхнеуральск,—там еще держалась у власти коалиция из меньшевиков, эсеров и проч. буржуазного сброда,— он снова принялся за организацию контр-революционных казачьих сил.

Он об'явил себя там командующим войсками Оренбургского военного округа, собрал контр-революционный «войсковой круг», который вынес постановление о мобилизации местного казачества, провозгласив Дутова и его приспешников оренбургским войсковым правительством. Все это, при наличии кадра прибывших с ним офицеров и боевого вооружения и снаряжения в казачьих арсеналах и у казачьего населения в станицах, помогло Дутову организовать в течение февраля около 2000 человек бойцов как конных, так и пеших. Причем к этой основной силе Дутов имел возможность стягивать в нужные моменты резервы из преданных ему станиц.

Появившись в Верхнеуральске, Дутов создал снова угрозу Троицку, Челябинску, Уфе и в первую

голову близь лежащим заводам: Белорецкому, Тирлянскому и Катав-Ивановскому.

Помимо этого он угрожал Самаро-Златоустовской железной дороге, по которой подвозился хлеб для заводов Южного Урала.

Эти обстоятельства вызвали вновь мобилизацию сил как на Южном, так и на Среднем Урале.

На Южном Урале, по призыву уфимского штаба боевых дружин, возглавляемого Эразмом Кадомцевым, на борьбу с Дутовым откликнулись посылкой отрядов около 15 заводов, в том числе: Миньярский, Симский, Катав-Ивановский, Юрюзанский, Белорецкий, Тирлянский, Богоявленский, Архангельский и другие.

Пунктом сосредоточения южных отрядов первое время был Белорецкий завод.

Командование отрядами было возложено на старого партийца-большевика Михаила Кадомцева.

Общая численность южных отрядов участником похода И. Опариным определяется в 700 человек, из которых 100 человек было кавалеристов[1]). Но эту цифру необходимо принять с оговоркой: в нее И. Опариным не включены упоминаемый им же уфимский чувашский отряд и конница Н. Каширина.

[1]) См. в сборнике Истпарта Башобкома РКП (б) «Революционное прошлое» статью И. О. «О Верхнеуральском фронте».

Во всяком случае, если мы скажем, что всего в южных отрядах было около 1000 человек,—большой ошибки не сделаем.

Прибывшие с М. Кадомцевым отряды по тому времени были не плохо вооружены. Они имели 30 пулеметов, две трех-дюймовые пушки и в большом количестве бомбы.

Одновременно с Югом откликнулись на борьбу с дутовщиной и города Среднего Урала — Екатеринбург, Челябинск и Пермь.

В Екатеринбурге были собраны из окрестных заводов (Сысертского, В.-Исетского, Н.-Исетского, Уфалейского, Алапаевского и др.) четыре дружины рабочих добровольцев, которые, после непродолжительного обучения, в первой половине марта были направлены на фронт. Комиссарами этих дружин были известные уральские большевики: Мрачковский (комиссар 1-й дружины), Малышев—2-й дружины, Луппов—3-й дружины и Толмачев—4-й дружины.

Эти дружины на одном из общих собраний начальников дружин, сотенных и отделенных командиров постановили избрать постоянный штаб. Председателем штаба был избран т. Циркунов, членами: Рыбников, Чуркин, Георгиев и Рахлин.

В дальнейшем общие хозяйственные и оперативные функции перешли к штабу, распоряжениям которого дружины должны были подчиняться беспрекословно.

Для наказания провинившихся и поддержания дисциплины среди дружинников был создан Революционный трибунал, который жестоко расправлялся с ослушниками.

Военные действия против Дутова начались отрядами Южного Урала 8-го марта из Белорецкого завода, как только прибыл туда отряд Чевырева (один из первых южных отрядов, прибывших в Белорецк).

В ночь на 9-е марта, отряд Чевырева и белорецкие рабочие-красногвардейцы неожиданным налетом ворвались в город Верхнеуральск и, при поддержке восставших верхнеуральских казаков-фронтовиков, руководимых Николаем Кашириным, очистили город от дутовских банд.

Но дутовцы быстро привели себя в порядок и через несколько дней повели усиленное наступление на город.

Однако, ожесточенные атаки дутовцев, при колоссальном напряжении советских войск, находящихся в Верхнеуральске, были отбиты, и противник вынужден был отступить.

Через некоторое время в Верхнеуральске окончательно сосредоточились южные отряды М. Кадомцева, а к Троицку подтянулись екатеринбургские дружины. Дутова решено было окружить и ликвидировать его главные силы.

Но это окружение оказалось не так то легко провести в жизнь. Пользуясь поддержкой местного зажиточного казачьего населения, Дутов в течение месяца слишком упорно держался в треугольнике Челябинск—Троицк—Верхнеуральск.

На этом исключительно казачьем пространстве Дутов применял тактику партизанских налетов, избегая по возможности затяжных боев.

При сочувствии со стороны местного зажиточного казачества, он быстро сосредоточивал силы в нужном ему районе, неожиданно бросался в наступление и также неожиданно исчезал, если ему угрожала опасность быть окруженным.

Советские отряды Кадомцева, Н. Каширина и екатеринбургские дружины начали активные действия против дутовщины в двадцатых числах марта.

Примерно в этих числах на соединение с отрядами Кадомцева, Каширина, расположенными в районе Верхнеуральск—Белорецкий завод и станица Магнитная, из Троицка, через станицы Берлинскую, Подгорную, Степную, двинулись екатеринбургские дружины под общим командованием Циркунова.

Заняв станицу Сухталинскую, на второй день отряды Циркунова вступили в первый бой с наступающими дутовцами.

Участник этого боя В. Бобылев сообщает о нем следующее:

Первый день прошел спокойно, лишь к вечеру на соседней высоте появляются дутовцы, рассыпавшись в цепь, обстреливая нас беспорядочным ружейно-пулеметным огнем. Мы заняли оборонительное положение вокруг селения. Через некоторое время, ориентировавшись, мы двинулись в наступление, с трудом продвигаясь по пояс в снегу... Пулемет противника со второго снаряда был сбит нашим наводчиком. Не выдержали нервы разбойников грозного движения, и как только наши фланги стали занимать охватывающее положение, противник быстро скрылся за ближайшими сопками.

Два дня мы лежали в цепи на сильном холоде, при плохом обмундировании, с небольшим запасом патронов.

Оторвавшись на десятки верст от штаба фронта, мы не имели никакой связи с окружающим миром. Вдруг пришло донесение, что наши тыловые дороги охвачены восставшим казачьем... На второй день лежания в цепи произошло в своем роде историческое заседание. Решали вопрос—вперед или назад. Решено было отойти к своей базе в гор. Троицк.

В тот же день вечером, быстро свернувшись в походную колонну, выступили обратно. При отступлении все время находились в кольце противника, беспокоившего нас мелкими нападениями и незначительными засадами [1]).

[1]) Уралистпарт. Воспоминания В. Бобылева.

Что же произошло в тылу у Цыркунова? Что заставило его оттягивать обратно силы к Троицку? Некоторые из военных работников об'ясняют отступление екатеринбургских дружин паникой, возникшей в рядах дружинников, якобы, неспособных выдержать «наступления, огня и маневра регулярных казачьих войск» [1]).

Чтобы понять, почему уральские дружины вынуждены были отступить к Троицку, необходимо знать, что делалось у них в тылу.

В этом отношении мы имеем возможность привести оперативную сводку Уральского областного военного комиссариата, в которой освещается, что именно происходило около Троицка и по линии железной дороги Троицк—Челябинск, когда уральские дружины находились в станице Сухталинской.

Вот что говорит эта сводка: «...По донесению от 26 марта, дутовские отряды приближались к Троицку, в 8 верстах от которого взорвали мост. Местное казачество и татарское население помогают Дутову, силы которого все увеличиваются. Близ Троицка, в Кляснцком поселке, собрался отряд 300 кавалеристов и 200 пехотинцев при 20 офицерах.

[1]) См. брошюру И. Подшивалова: «Гражданская борьба на Урале», стр. 119.

Они пред'явили ультиматум Троицку... Очевидно, вскоре Троицк был занят Дутовым, так как связь с ним была прервана.

По линии железной дороги Полетаево—Троицк стали появляться отдельные группы казаков...» [1]).

Таково было положение под Троицком.

Не совсем благополучным оно было и на отрезке железной дороги Орск—Троицк.

Там, как это видно из приказа Блюхера от 6 апреля, «в виду событий последнего времени, выразившихся в нападении шаек несознательных масс на служащих дороги...» было об'явлено осадное положение по всей Орской железной дороге [2]).

Эти обстоятельства показывают, что не паника и не огонь неприятеля заставили екатеринбургские дружины двигаться обратно в Троицк.

Задачи в тылу, в связи с появлением там противника, были не менее важными, нежели борьба с Дутовым под Верхнеуральском.

Нужно было очистить от дутовских банд окруженный ими г. Троицк, нужно было восстановить движение по железной дороге Челябинск—Троицк и, наконец, надо было очистить от оперировавших банд Орскую железную дорогу.

[1]) «Ур. Жизнь», № 65 от 6 апреля 1918 г.

[2]) «Известия Троицкого Совета», № 22 от 9 апреля 1918 г.

Не было паники в рядах уральских дружин и в момент движения из Сухталинской на Троицк и во время боя под Черной речкой.

Участник похода, комиссар 2-й екатеринбургской дружины, Иван Малышев, сообщает об этом походе следующее: «Мы опять в Троицке, проделали 200-верстный поход и вернулись по некоторым причинам обратно. Находились уже в 50 верстах от Верхнеуральска в Сухталинском поселке. Там дрались с дутовцами, успешно отразили нападение. Из-за недостатка патронов, денег и благодаря тому, что настроение поселков в тылу было явно враждебным к нам, мы не могли двигаться на Верхнеуральск и решили двинуться обратно до Троицка. Стоверстное расстояние мы прошли в двое суток. По дороге пришлось выдержать два боя. Один небольшой, а другой значительный. Самый главный бой разыгрался у Черной речки. Тут стянулись большие силы противника, около 800 человек с хорошо организованной конницей. Дрались 5 часов. В бою было две сотни нашей дружины — верх-исетские. Публика сражалась геройски. На дутовскую банду навели страх, и они в панике бежали. Наши потери: убитых 3, умерло от ран 5 и раненых 35. Большинство потерь понесли верх-исетские. У неприятеля потери гораздо значительнее. Почти одновременно с нами дутовцы были разбиты под Троицком.

Теперь казаки сдают все оружие, патроны и выдают своих главарей. Мы их расстреливаем...»[1]).

Этих документальных данных вполне достаточно, чтобы утвердительно ответить, что никакой паники среди екатеринбургских дружин не было.

В Троицке екатеринбургские дружины соединились с челябинскими частями под командой В. Блюхера и на совместном совещании начальников и комиссаров частей образовали «штаб войск, действующих против Дутова», избрав командующим войсками В. Блюхера.

Всего под командованием Блюхера, при слиянии отрядов, сосредоточилось около 2000 человек.

В первых числах апреля, когда соединенные отряды Блюхера очищали окрестности Троицка и Орскую железную дорогу от дутовских партизанских банд, Кадомцев из Верхнеуральска повел наступление на станицу Кассельскую.

Отряды Кадомцева выступили из города в 12 часов ночи, чтобы на рассвете подойти к станице и неожиданным налетом выбить противника. Однако, эта операция им не удалась.

В силу того, что противник открыл движение отрядов раньше предусмотренного времени, им не удалось занять нужное расположение и они вынуждены были вступить в бой на невыгодных для них

1) Уралистпарт. «Материалы по гражданской войне на Урале».

позициях. Причем, в момент боя, когда противник под давлением красных начал уже отходить к своим основным позициям, левому флангу неизвестно кем было сделано приказание отступить.

Это заметили дутовцы и повели бешеную атаку по всему фронту. Отрядники не выдержали натиска и бросились бежать, ссылаясь на то, что у них нет патронов и снарядов. Некоторые из них при отступлении бросали винтовки, пулеметы и даже были брошены на произвол судьбы трехдюймовые орудия.

Однако, при колоссальном нажиме командного состава, пушки удалось захватить обратно, а паническое отступление влить в организованное русло.

К вечеру отступающие отряды, преодолевая атаки противника с флангов, добрались до своих исходных позиций под Верхнеуральском и здесь закрепились.

В этом столкновении отряды Кадомцева потеряли 13 пулеметов, 20 человек убитым, и много ранеными; несколько человек попало в плен. После этого поражения южные отряды, получив пополнение и подтянувшись в боевом отношении, в дальнейшей борьбе с дутовщиной начали одерживать победы.

Не менее успешно вели борьбу с дутовцами и отряды Блюхера, оперировавшие к востоку от Верхнеуральска, в районе Троицка и Орской железной дороги.

В течение недели, примерно с 5-го по 12 апреля, они окончательно очистили от казачьих банд эти

районы и восстановили железно-дорожное движение между Троицком и ст. Полетаево.

Эти поражения Дутова, при партизанском характере войны, когда за действия кучки дутовцев зачастую отвечали казачьи станицы в целом, разрушительно отзывались на казачьем хозяйстве, разбивали веру в Дутова у казачьего населения и вызывали против него недовольство.

Но Дутов, несмотря на то, что приток добровольцев почти прекратился, пытался еще сопротивляться.

С более или менее постоянными силами, он снова обосновался в районе Верхнеуральска, выбирая повидимому момент для очередного удачного налета на советские отряды.

Однако, на этот раз советские отряды его предупредили.

В середине апреля Дутов в районе Верхнеуральска оказался окруженным: с юго-востока—отрядами Блюхера, с юго-запада—отрядами Кадомцева.

Это окружение было проведено по следующему плану: отряды Блюхера, имея в своих руках Орскую железную дорогу, сделали демонстративный налет севернее Троицка, на станицу Ключевскую, перекинулись быстро на станцию Картала (в то время конечный пункт Орской железной дороги), оттуда через станицы Полтавскую, Великопетровскую, Парижскую вошли в соприкосновение с

правым флангом отрядов Кадомцева, расположенных в станицах Черниговской, Магнитной и в Белорецком заводе.

Как только было закончено окружение Дутова, 17 апреля пермский отряд перешел в наступление на станицу Краснинскую, где была сосредоточена часть сил Дутова.

Дутовцы боя не приняли и отступили под Верхнеуральск к своим главным силам [1]).

Решительный бой с дутовскими бандами разыгрался под Верхнеуральском.

Об этом бое в донесении начальника штаба уфимских боевых организаций Эразма Кадомцева, на имя наркомвоен Троцкого, сообщается следующее: «Последний бой был для нас удачен благодаря длительной упорной подготовки, правильно выработанного плана и умелого командования т. т. Кадомцева и Калмыкова. Главный удар был нами нанесен в семи-часовом бою под Верхнеуральском, а окончательно надломлены дутовцы в момент их отступления неожиданным нападением богоявленских отрядов под Магнитной.

Фронт простирался до 20 верст, казаков в бою участвовало до 5 тысяч человек; у нас убитых 30, раненых 185, без вести пропавших 3 [2]).

---

[1]) В каких именно пунктах были сосредоточены войска Дутова установить не удалось.

[2]) Уфимская газета «Вперед», № 85 от 28 апр. 1918 г.

Прорвавшись с большими потерями в районе станицы Магнитной, Дутов окончательно потерял надежду на сопротивление и быстрым темпом начал отступать по направлению к Тургайским степям.

Преследовать отступающего Дутова были назначены три группы: 2-я и 3-я екатеринбургские дружины, группа уфимцев и конница Н. Каширина.

Екатеринбургским дружинам удалось в станице Брединской нагнать Дутова и основательно его потрепать. Совершенно уничтожить противника им не удалось исключительно благодаря малому количеству нашей кавалерии.

Продолжив преследование до Адамовского поселка (на границе Тургайской области), эта группа прекратила преследование из-за разлива рек, а главное из-за неподготовленности к трудному походу в широкие Тургайские степи.

Некоторое время преследование продолжала третья правофланговая группа Н. Каширина, остальные же группы и части еще ранее ушли по домам.

Так закончилась борьба Дутова против советской власти в треугольнике Челябинск—Троицк—Верхнеуральск.

8. Налет дутовцев на Оренбург и борьба с ними.

Представление о борьбе с дутовщиной было бы неполное, если бы мы обошли молчанием налет оренбургских казаков на Оренбург и последующую борьбу с ними.

Оренбургские казаки вторично активно начали развертывать военные действия в тот момент, когда советские отряды вели упорную борьбу с главными силами Дутова под Верхнеуральском.

25-го марта в Оренбурге были получены сведения, что дутовский отряд наступает на Илецкую Защиту. Этот отряд к вечеру занял Илецк и разогнал илецкий совет.

На поддержку Илецка из Оренбурга был выслан отряд в 250 человек.

Оренбургский отряд, прибыв на место, занял город Илецк, но затем под натиском дутовцев вынужден был его оставить.

На помощь первому отряду был послан второй отряд, но и он оказался недостаточным.

31-го марта от совета Илецкой Защиты было получено сообщение, что идет бой с дутовцами и спешно требуется подкрепление.

1-го апреля туда был послан третий отряд в 160 человек с тов. Цвиллингом во главе.

В этот же день от Цвиллинга была получена в Оренбурге телеграмма, что положение отчаянное, требуется немедленное подкрепление.

Был отправлен четвертый отряд в 175 человек. В тылу этого отряда восстали казачьи станицы, и он был окружен и разбит. Вместе с ним был истреблен и отряд Цвиллинга, а сам Цвиллинг был убит в бою.

3-го апреля казаки начали с трех сторон наступление на Оренбург и в этот же день ворвались в город.

Советские силы в городе, в связи с отправками на фронт, были ничтожны.

Артиллерия, находившаяся в казачьем училище, оказалась без прикрытия.

Дутовцы сравнительно быстро заняли училище, захватили там артиллерию и изрубили прислугу.

В Форштадде [1]) ими был зарублен редактор оренбургской советской газеты Гринберг и сброшены с 5-го этажа Дома Труда председатель казачьей секции губисполкома Захаров и его заместитель Овчинников.

---

[1]) Часть города Оренбурга.

Не менее зверские расправы чинили белогвардейцы над семьями большевиков и над жителями, которые сочувствовали советской власти.

Они обходили квартиры большевиков и при малейшем подозрении вырезали не только взрослых мужчин, но и женщин и детей, иногда даже независимо от того, имели они какую-нибудь связь с большевиками или нет.

Приблизительно число пострадавших от рук дутовцев выразилось к моменту освобождения города в 250—300 человек.

3-го апреля, благодаря концентрации вокруг Оренбурга советских сил и, главным образом, благодаря прибытию значительного отряда из Ново-Сергеевки, в 11 часов вечера город был от дутовцев освобожден.

Но, однако, и после этого борьба с казачеством закончена не была. В течение апреля вокруг Оренбурга велась дутовцами ожесточенная партизанская война.

Налеты казаков на станции железных дорог, порча полотна, налеты на Илецкую Защиту, внутренние брожения в казачьих станицах получили такой широкий размах, что создалась снова серьезная угроза Оренбургу и возможность разрыва связи с Туркестаном.

Эти обстоятельства потребовали новой помощи Урала в борьбе с контр-революционным казачеством.

По постановлению Уральского областного исполнительного комитета, в первых числах мая, из Екатеринбурга под Оренбург был отправлен под командой Блюхера сводный отряд в составе: 1-го Уральского стрелкового полка, только что сорганизовавшейся челябинской батареи и отряда рабочих Челябинских копей. Всего в отряде насчитывалось до 1500 человек бойцов.

Помимо этого в Оренбург была двинута из Верхнеуральска конница во главе с Н. Кашириным, отряды рабочих Южного Урала и отряды из Орска и Туркестана.

Какова была общая численность этих отрядов, сказать затруднительно, но, во всяком случае, советских войск и на сей раз оказалось достаточно для того, чтобы рассеять контр-революционные банды вокруг Оренбурга.

К концу мая оренбургское контр-революционное казачество было разбито окончательно и навряд ли движение могло бы возродиться вновь, если бы этому не помогло выступление чехо-словаков.

Таков конец казачьей контр-революции, когда она еще не имела возможности опираться на вооруженную интервенцию союзников.

9. Строительство Красной армии на Урале.

Строительство Красной армии на Урале началось с февраля 1918 г., с момента образования Уральского областного военного комиссариата.

До этого основной вооруженной силой советской власти была Красная гвардия.

Красная гвардия по существу явилась зародышевым ядром, из которого и вокруг которого начали вырастать первые полки Красной армии. Это обстоятельсто обязывает при освещении вопроса о строительстве Красной армии/ затронуть вопрос о состоянии Красной гвардии к началу этого строительства.

Выше мы указывали, что Красная гвардия на многих заводах Урала существовала еще задолго до Октябрьской революции. Указывали также и на то, что выступление Корнилова вызвало прилив рабочих в ее ряды.

После Октябрьского переворота, под влиянием выступления контр-революционного казачества и кулаков в городах и заводах Урала, организация и усиление Красной гвардии пошли еще быстрее.

Тов. Кондраков, организатор Красной гвардии Невьянского завода, в своих воспоминаниях сообщает,

например, что «после Октябрьской революции на Невьянский отряд Красной гвардии сразу было обращено внимание. Ему придали более организованный вид. Назначен был начальник. Сформированы были десятки, выбраны начальники или просто старшие десятков, на которых была возложена определенная задача—обучить членов отряда владеть оружием. Оружие в то время стало принимать более единообразный вид»[1]).

Стремление к численному и боевому усилению отрядов Красной гвардии наблюдалось не только в Невьянском заводе, но и по всему Уралу.

Лучшим показателем роста Красной гвардии служит второй с'езд боевых организаций на Южном Урале, состоявшийся в первой половине января 1918 г.[2]).

[1]) Уралистпарт. Воспоминания Кондракова.

[2]) На Южном Урале вооруженные рабочие дружины носили название: «Боевые организации народного вооружения». Это название им было присвоено, повидимому, благодаря традиции, сохранившейся от боевого движения 1906-907 г. г., которое на Южном Урале было особенно развито. По существу боевые организации, до момента переформирования в Красную армию, отличались от Красной гвардии Северного и Среднего Урала только наиболее стройным военным аппаратом, и повышенными требованиями в смысле благонадежности поступающих бойцов. Однако, эти повышенные требования, в силу того, что в ряды боевых организаций допускались левые эсеры, отнюдь не послужили положительными факторами, т. к. при переформировании отрядов Красной гвардии в полки Красной армии, эсеры, не соглашаясь с основными принципами построения Красной армии, начали разлагать боевые дружины Южного Урала. Подробно вопрос о боевых организациях Южного Урала освещается в книге И. Подшивалова: «Гражданская война на Урале».

На этом с'езде, по сравнению с первым декабрьским с'ездом, число боевых организаций было представлено почти вдвое больше.

На с'езде, наряду с вопросом о социальном обеспечении дружинников и их семейств, стояли и такие вопросы, как способы обучения дружинников, программы обучения и, наконец, план подготовки и мобилизации инструкторско-командных кадров.

Состоявшаяся примерно в это же время уральская областная конференция РСДРП(б) идет еще дальше—она ставит уже вопрос о создании руководящего областного органа, для организации и руководства Красной гвардией на Урале.

Она не только этот вопрос разрешает положительно, но и постановляет ввести стройную систему управления Красной гвардией по области.

В центре — областной штаб Красной гвардии; в Екатеринбурге, Уфе, Перми, Челябинске, Златоусте и Вятке — окружные штабы, которым подчиняются районные штабы, а им в свою очередь подчиняются местные. Помимо этого, на конференции регламентируется, что в Красную гвардию имеют право вступать рабочие и работницы, но по рекомендации партийных комитетов, советов, стоящих на платформе 2-го с'езда советов, фабрично-заводских комитетов и по рекомендации двух членов Красной гвардии.

В конце января в Екатеринбурге был созван областной с'езд Красной гвардии, который, опираясь на декрет Совета Народных Комиссаров (в то время еще не опубликованный), от 15 января, об организации Красной армии, вынес постановление о зачислении Красной гвардии Урала в резерв Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Задачи резерва с'езд Красной гвардии определял так: «Резерв Рабоче-Крестьянской Красной армии является вооруженной социалистической армией уральского пролетариата и беднейшего крестьянства и имеет свою целью: стоять на страже власти советов и созданных ими центральных и руководящих учреждений; охранять завоевания революции и вооруженной рукой бороться за великие идеи социализма» [1]).

После этого с'езда в этом направлении начались работы и на местах.

20—25 января был созван в Перми первый приуральский с'езд Красной гвардии для выработки единой системы по организации Красной армии.

26 января в Екатеринбурге на областном с'езде советов было постановлено вместе с организацией других комиссариатов организовать и Уральский областной военный комиссариат в составе: Голощекина, Уфимцева и Анучина.

---

[1]) „Рабочий класс Урала в годы войны и революции", т. III, стр. 119.

Первым организационным шагом, который был проведен военным комиссариатом в жизнь, было сведение всех наличных красногвардейских сил в тактические единицы. Директив на этот предмет пока что из центра никаких не было. Между тем война с Дутовым неуклонно требовала производить посылку на фронт более или менее обученных войсковых единиц.

Таковой единицей, согласно постановления Уральского областного военного комиссариата, первое время была установлена дружина, состоящая из 400 человек в пехоте и кавалерии и 200 человек в артиллерии и инженерных войсках.

В такие дружины в феврале еще начали переформировываться красногвардейские отряды.

Части, которые были отправлены для борьбы с Дутовым под Верхнеуральск, были уже построены по этому дружинному типу.

Помимо переформирования красногвардейских частей, Уральский военный комиссариат вел работу и по агитации среди населения за вступление в ряды Красной армии.

В феврале же им было выпущено обращение к населению, в котором, вместе с призывом к вступлению в ряды Красной армии, указывалось, что в нее принимаются «наиболее сорганизованные граждане Российской республики не моложе 18 лет, на срок

не менее 6 месяцев [1]), причем в этом же обращении сообщалось, что «солдаты рабоче-крестьянской Красной армии состоят на всех видах довольствия, получая сверх всего 50 рублей на расходы».

Этот призыв не остался без ответа.

Кушвинский совет 27 февраля телеграфировал в Екатеринбург, что «Гороблагодатский округ обязывается от населения в 92000 дать отряд в 2500 человек» [2]).

В Туринском заводе 3 марта состоялась отправка добровольческого отряда в количестве 120 человек в г. Екатеринбург.

На следующий день состоялась отправка отряда рабочей молодежи Нижне-и Верхне-Уфалейских заводов. Об этом моменте т. Кириллов в своих воспоминаниях сообщает: «С получением телеграммы с призывом вступать в ряды вновь формирующейся рабоче-крестьянской Красной армии, мы сейчас же открыли широкую кампанию по привлечению добровольцев. Молодежь живо откликнулась. Записалось добровольцев целая сотня. Приходилось их браковать как слишком молодых для несения армейской службы. Товарищи обижались. В результате мы выбрали 30 человек, которые могли пойти на фронт...» [3]).

---

[1]) Уралистпарт. Дело № 16. «Красная армия», т. I.
[2]) «Уральский Рабочий», № 35 16 февраля 1918 г.
[3]) Уралистпарт. Воспоминания Кириллова.

Такие же, примерно, отклики поступали и с других заводов.

Одновременно с работой по формированию, областной комиссариат заботился и о налаживании дела снабжения формирующихся дружин. Им велась усиленная работа по организации оружейного, вещевого, продовольственного и инженерного складов. Правда, в этих отделах было мало специалистов, а ответственные заведующие были больше из партийных, малоопытных в этом направлении людей, но тем не менее работа все же продвигалась вперед, и дело снабжения укреплялось.

Для большей увязки работы между областными и окружными военными комиссариатами, в последних числах марта и в последних числах апреля состоялись с'езды военных комиссаров.

На этих с'ездах была заложена основа всей деятельности военных комиссариатов по области и разработаны вопросы по формированию Красной армии.

На основании постановлений мартовского с'езда военных комиссаров, тактической единицей, вместо существующей дружины, была об'явлена рота, разделяемая на три взвода и 9 отделений. Это дало возможность приступить к созданию, во-первых, полка, а затем и к практической работе по формированию боевых единиц.

Кроме этого, с самого же начала формирования Красной армии пришлось столкнуться с отсутствием командного состава.

Бывшее офицерство добровольно почти не шло в ряды Красной армии.

Это вызвало срочную организацию в г. Екатеринбурге курсов по артиллерии и пулеметному делу, примерно на 200 человек каждые.

В качестве преподавателей на этих курсах были использованы преподаватели Академии генштаба, находившиеся в это время в г. Екатеринбурге.

К 15 мая на территории Уральской области было сорганизовано 8 стрелковых полков и артиллерийские дивизионы в Перми, Уфе, Челябинске, Камышлове и конный эскадрон в г. Екатеринбурге. Всего, по приблизительному подсчету, Красной армии по области к 15 мая насчитывалось около 20.000 человек, причем запись добровольцев продолжалась.

Такова, примерно, работа по строительству Красной армии на Урале до выступления чехо-словаков.

10. Урал перед интервенцией.

С октября 17-го года до выступления чехо-словаков на Урале велась кипучая работа по организации и укреплению советского аппарата и, кроме того, шла ломка старых отношений и создание новых, обеспечивающих дальнейшее развертывание социалистического строительства.

Причем эта работа протекала в условиях острой хозяйственной разрухи и упорной борьбы с контр-революционными выступлениями.

Последнее обстоятельство позволяет оценить действительную мощь противосоветских группировок в борьбе с советской властью и дает возможность подвести итоги этой борьбы к моменту интервенции.

На характере борьбы меньшевиков, эсеров, кулаков, горнопромышленников и, наконец, контр-революционной части казачества, мы останавливались выше и потому нет надобности говорить об этом вновь. Важнее другое—насколько была благоприятной обстановка для борьбы контр-революционных группировок с советской властью и почему эти группировки, начиная от эсеров и кончая казаками, потерпели поражение.

На первый вопрос можно ответить, что обстановка для развертывания контр-революционной работы была самая благоприятная.

Об этом неоспоримо свидетельствуют факты.

Урал в ту пору переживал неимоверные затруднения: не было денег, не было хлеба, не было топлива, останавливались заводы, отказывались работать железные дороги, голодали рабочие. Советская власть в деревнях только возникала. Организованных большевистских ячеек по деревням почти не было. Кулаки себя чувствовали вольготно и даже в некорых уездах пробрались в волостные и сельские советы. Капиталы, фабрики и заводы первое время были в руках капиталистов. Выходили вплоть до самого восстания чехо-словаков меньшевистские и эсеровские газеты. Представители этих партий допускались в советы.

Казалось бы, все условия для развертывания контр-революционной работы со стороны недовольных советской властью группировок были налицо.

Однако, отбросив пока что контр-революционное казачество, все остальные группировки, при всем желании создать какое-нибудь серьезное сопротивление, за исключением отдельных кулацких вспышек в деревнях, ничего большего сделать не могли.

Даже эсеры, которые на выборах в Учредительное Собрание получили по Уралу в три раза больше голосов, чем большевики, не могли сколотить хотя

бы какую-нибудь силу, которая смогла бы решительно выступить против советов.

То же самое можно сказать и об уральской буржуазии.

Сопротивление горнопромышленников советам в форме отказа от субсидирования заводов есть акт бессилия и злобы, а отнюдь не продуманное действие, рассчитанное на серьезные результаты.

Более серьезной контр-революционной силой, с которой советской власти пришлось вести длительную вооруженную борьбу, было контр-революционное казачество.

Но и оно оказалось бессильным против революционного натиска советских отрядов.

Казачество, которое поддерживало Дутова и его офицеров в дни удач на фронте, откалывалось от него как только советские отряды наносили ему серьезные удары.

Так было в Оренбурге, в Троицке, под Верхнеуральском и при последнем выступлении Дутова под Оренбургом.

Таким образом, жизнеспособность советской власти, проверенная в борьбе и работе, оказалась настолько устойчивой, что в процессе борьбы советская власть создает 20-ти тысячную армию, а контр-революция теряет свои последние силы.

Однако, внешняя политическая обстановка ни в какой мере не способствовала дальнейшему разверты-

ванию и углублению работы советской власти на Урале.

Почти с самого момента Октябрьской революции державы Антанты начали распространять свое влияние в Архангельске и Владивостоке.

Но еще раньше, чем Англия и Франция выступили на путь активной интервенции, на Дальнем Востоке выступила Япония, увлекшая впоследствии за собой и С.-А. Соединенные Штаты.

Линия поведения этих двух интервентов зачастую шла вразрез с остальными державами Антанты.

Выступление Америки в Восточной Сибири было вызвано опасением, что там усилится значительно японское влияние. Хотя в официальной декларации от 5 августа 1918 г. Америка и заявила, что появление ее военной силы в Сибири было вызвано желанием «оказать покровительство чехо-словакам против нападения на них бывших австрийских военнопленных; сохранить в России ее военные склады для ее будущей армии и, наконец, желанием оказать русским помощь в самозащите против Германии»[1]).

Не менее лживые декларации, в смысле оправдания своего вторжения в Россию, опубликовали Англия и Франция.

Эти лицемерные хищники утверждали, что единственными мотивами их интервенции было желание:

[1]) Т. К. Гинс. «Сибирь, союзники и Колчак», т. I, стр. 47.

«помочь спастись от раздела и гибели, грозящих России от руки Германии, которая стремится поработить русский народ и использовать для себя его неисчислимые богатства»[1]).

Разумеется, что на интервенцию их толкали мотивы совершенно иного порядка.

Прежде всего союзников пугало социалистическое строительство советской власти, которое грозило революционной политикой пролетариата в их странах, а затем беспокоило, что Германия, пробравшись в Россию, может использовать в своих целях многочисленные резервы военно-пленных, которые находились еще в России.

Помимо этого, не малое значение, конечно, имело и то обстоятельство, что восстановление на территории России правительства буржуазного или хотя бы соглашательского типа открывало бы для союзников благоприятные перспективы чисто экономического характера.

Для проведения интервенции им нужно было найти какую то достаточно мощную вооруженную силу, которую можно было бы,-без ущерба для своих империалистических фронтов, бросить на Республику Советов.

Такой силой на первых порах явился корпус чехо-словаков.

---

[1]) Т а м ж е.

Их выступление в Поволжье, в Сибири и на Урале развязало руки всем антисоветским группировкам, послужило опорой для кулацких восстаний и в конечном счете дало возможность белой армии свергнуть советскую власть в Сибири и на Урале и образовать против революционной России контр-революционный Восточный фронт.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр
1.	Перед Октябрем	3
2.	Октябрь на Урале	25
3.	Хозяйственная разруха и первые шаги Советской власти	41
4.	Первые контр-революционные выступления против Советов	52
5.	Борьба с казачеством в Челябинске и Троицке	59
6.	Первый поход против Дутова	68
7.	Борьба с Дутовым под Верхне-уральском	82
8.	Налет дутовцев на Оренбург и борьба с ними	96
9.	Строительство Красной армии на Урале	100
10.	Урал перед интервенцией	108

ЦЕНА 50 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Истпарт Уралобкома ВКП (б)
Свердловск ул. Карла Либкнехта № 49.